

БОКІУТ
СВЕТА

6 1990

ИСКАТЕЛІЬ

Рон ГУЛАРТ

ДАР БЫТЬ НЕВИДИМЫМ

ПОВЕСТЬ

Художник Константин ФАДИН

За ним гнались роботы.

Стояло раннее утро, теплое и ясное, весна 2020 года близилась к концу; Джейк Конджер бежал трусой по одному из подвешенных высоко над землей широких трапов из пластика, соединяющих между собой башни Манхэттена. Конджер, поджарый загорелый мужчина тридцати одного года от роду, был облачен в тренировочный костюм-комбинезон. Где-то на расстоянии пятидесяти ярдов от него бежали два робота цвета какао, отдаленно напоминающие гуманоидов.

В грудь одного из этих коричневого цвета механизмов был вмонтирован пиксфонический экран.

— Сообщение! — выкрикнул он, сокращая расстояние между собой и Конджером до пятидесяти футов.

Конджер продолжал трусить по норилловому трапу лимонного цвета. Десятки разноцветных трапов над ним и под ним переплетались в яркие кошачьи колыбели, сияющие в лучах теплого майского солнца.

— Сообщение, — повторил пиксфонический робот, когда он и его партнер поравнялись с Конджером.

— Ну так выкладывай, — велел Конджер, не замедляя шага.

Робот цвета какао махнул рукой, указывая на воздушную скамью, мимо которой они теперь пробежали.

— Может, побеседуем со всеми удобствами?

— Нет, — отказался Конджер. — Мне еще нужно преодолеть пять миль.

— Сколько миль вы пробегаете в день?

— Десять.

Коричневый робот одобрительно кивнул.

— Очень похвально. Бег, несомненно, оказывает превосходное влияние на ваши внутренние службы. Сердце, легкие...

— Так что у тебя за сообщение?

— Ах да, совсем забыл. — Робот теперь бежал в ногу с Конджером. Его партнер семенил в нескольких ярдах сзади — он был напичкан информацией и так быстро бегать не мог. — Секция Самобытных Дарований Агентства Ремонтных Функций Соединенных Штатов послала нас за вами, агент Конджер. Для вас есть в высшей степени секретное и чрезвычайно важное задание.

— Но я ведь числюсь в отпуске.

— Босс лично просил вас...

— Почему именно меня?

— Вы — единственный агент-невидимка, которым располагает в данный момент АРФ.

— Я собирался сегодня совершить путешествие на хоппере в Коннектикут. В Мистике открылся новый ресторан, где кормят только морскими водорослями. — Несколько секунд они бежали молча. — О'кэй. Согласен. Что там случилось?

— Люди воскресают.

Конджер слегка замедлил бег.

— Что?

— Пусть вам все объяснит босс. — Он поковырял двумя ко-ричневыми пальцами в отверстии у себя в боку, и на его гру-ди ожил фонический экран величиной с тарелку.

На экране появился маленький человек лет пятидесяти с помятой утомленной физиономией. Он был завернут в ворси-стый купальный халат из синтетического меха и сидел в кресле на площадке для питания своего кабинета в Секции Самобытных Дарований. Человек подмигнул Конджеру своими выцветши-ми глазками.

— Салют, — сказал он. — Джейк, почему ты все время под-прыгиваешь вверх-вниз?

— Я бегу, — отвечал Конджер. — А почему вы все время крутитесь из стороны в сторону?

Подмигнув еще раз, Джейк, шеф ССД, ответил:

— Ты ведь помнишь, что мое кресло на площадке для пита-ния было сконструировано с таким учетом, чтоб я был всегда направлен лицом в солнечную сторону. — Он зевнул. — Так вот, эта чертова штуковина, от которой зависит вращение, разлади-лась и теперь любой блестящий предмет принимает за солнце. Вот сейчас ее потянуло на блеск серебряного маятника моих настенных часов.

Конджер понимающе кивнул.

— Так кто же все-таки воскресает? — поинтересовался он.

Джейк выковырял плиофильм из самопекущегося вэфлбургера, сэндвича на вафельной основе.

— Люди, которые числятся мертвыми, — буркнул он.

— Кстати, вы не читали доклад Главного Хирурга о вэфл-бургерах?

— Что этому чертову компьютеру известно о том, с каким трудом я пробуждаюсь по утрам? — воскликнул помятый Джи-эр, жуя сэндвич. — Особенно когда мне приходится ночевать в кабинете. Что, мне прикажете и от сойджавы отказаться?

— Сойджавы вам не повредит, — сказал Конджер. — Так что же за мертвые?

Джейк с шумом отхлебнул глоток сойджавы. В это время кресло сделало оборот вокруг своей оси, и бурая жидкость об-рызгала впалые щеки шефа.

— Это что-то призрачное, Джейк. — Он снова отхлебнул кофезаменителя. — Даже с точки зрения Секции Самобытных Дарований, где и так все построено на призрачности, это ка-жется чем-то сверхъестественным. Люди, судя по всему, воскресают из мертвых. — Он отложил свой недоеденный вэфлбургер и взял триоптическую фотографию. — Ты знаешь этого черта?

— Поди-ка узнай — вся физиономия в сиропе.

Джейк склонился над фотографией, поцеловал большой палец и провел им по физиономии на фото.

— Жаль, это не случилось во время моего отпуска. Устал от этих деловых завтраков. У меня уже было сегодня рандеву с агентом Кацманом. Это тот самый, который проходит сквозь стену. Теперь у него развился какой-то выверт.

— Выверт?

Лимонно-желтый трап круто сворачивал за угол синей псевдо-реальной башни, и Конджер замедлил шаг.

— Последнее время он застревает где-то в середине стены, — объяснил Джизр. — Валит на домашние неурядицы.

Конджер приблизил лицо к экрану в груди бегущего рядом с ним робота.

— Это полковник Макако Кавала, верио?

— Кто?

— На фотографии.

Джизр бросил сердитый взгляд на триоптическую фотографию, которую держал в руке.

— Да, полковник Макако Кавала, покойный португальский государственный деятель.

— Тот самый, который хотел свергнуть теперешнего диктатора, — заметил Конджер.

— Да, вот почему его месяц назад убрали, — пояснил Джизр и выпустил из рук фотографию. Она упала прямо в блюдо с сойджавой.

— Я видел информацию о его смерти. Его застрелил на улице Нового Лисабона неопознанный снайпер.

— Верно, — кивнул босс. — У тебя будет возможность с ним встретиться.

— С неопознанным снайпером?

— Мы сообщим тебе его фамилию и адрес, — пообещал босс. — Всеми этими сведениями располагает робот-информатор. Этот подонок живет где-то в Новом Лисабоне.

Конджер покосился на пиксфонический экран.

— Послушайте, шеф, а наше Агентство Ремонтных Функций имеет какое-нибудь отношение к этому убийству?

— Нет. — Джизр покачал своей высохшей головой. — Я справлялся у этих подонков из Центрального Управления в Вашингтоне. АРФ в данном случае чисто как стеклышко. Для разнообразия. Но не исключено, что это дело рук Службы Национальной Безопасности. Они, эти скоты из СНБ, никогда не доверяют нам своих секретов. — Босс вынул фото из блюда. — Джейк, один человек видел полковника Макако Кавалу живым и невероятным.

— Си-би-эс и Эн-би-си инкорпорейтед показывали его в гробу.

— Да, запутанное дельце, — заметил шеф. — Я хочу, чтобы ты, Джейк, телепортировался в Новый Лисабон рейсом в одиннадцать утра. Этот случай с полковником Кавалой подтверждается другими слухами, которые до нас дошли. Поговори с подонком, который, судя по сведениям, уложил этого чертова полковника, потом свяжись с тем парнем, который клянется, будто три дня назад видел его живым. — Джизр откусил от вэфлбургера. — Ты понимаешь, Джейк, как все это важно. В политическом смысле и, очевидно, для всего человечества.

— Скажите ему, шеф, почему нам требуется именно агент-невидимка, — напомнил фонический робот.

— Ах да, — Джизр откусил еще кусок, прожевал его и проглотил. — Если этот подонок из Нового Лисабона и в самом деле видел покойного полковника там, где ему показалось, будто он его видел, тебе может пригодиться твоя способность становиться невидимым, чтоб туда незаметно пробраться. — Босс помахал перед носом листком оранжевой бумаги для факса. — С тех пор как агент Бузино потерял способность контро-

лизовать часть своего туловища ниже колен, у нас, Джейк, осталось всего девятнадцать агентов-невидимок. Как тебе хорошо известно, на производство агента-невидимки уходит два долгих года. Если б только Бинсент Экс Уорс не попал в эту роковую катастрофу и не...

— Знаю, — прервал его Конджер. Уорс был способный молодой ученый-испытатель, который разработал много новых способов для производства агентов Секции Самобытных Дарований. Он был всего двумя годами старше Конджера, и они одно время очень дружили. Собственный хоппер Уорса взорвался полгода назад, когда тот летел на Филиппины на конференцию АРФа. — О'кэй, так где видели этого полковника?

— Ты сам все выяснишь, когда попадешь в Новый Лисабон.

— А как же с моим отпуском? — поинтересовался Конджер.

— Джейк, сложилось чрезвычайное положение, — начал шеф. — Подумай только, как это может отразиться на будущем внешней политики Соединенных Штатов и перспективе улучшения жизненного уровня всего человечества. Подумай о тех достойных и честных ребятах, которые целиком и полностью посвятили себя службе в Секции Самобытных Дарований. Подумай об этой, ныне призрачной гвардии отличных парней, куда входит Маркиз Джериго, Дональд Э. Танненбаум и вышеупомянутый Винсент Экс Уорс, погибшие в расцвете лет, бескорыстно защищая интересы нашей чудесной нации, а также порядки своей родины. Или хотя бы вспомни об одиноком плешивом орле, парящем на гербе нашего...

— Хватит, хватит, — перебил его Конджер. — Согласен, черт возьми.

На пиксфоническом экране появился зигзагообразный потек. Робот всхлипнул и принялся тереть виниловые глазные яблоки.

— Прошу прощения, агент Конджер. Меня запрограммировали быть чувствительным к патриотическим речам.

— Ладно. — Из прорезного кармана своего тренировочного костюма Конджер достал платок и вытер им экран. — Что-нибудь еще, шеф?

Джизр усиленно думал, наморщив свою помятую физиономию.

— Все. Робот-информатор, которого я к тебе послал, снабдит тебя для начала всей имеющейся у нас информацией. Я только хочу тебя предупредить.

— О чем?

— Если Служба Национальной Безопасности направит по этому делу своих агентов, сторонись их, Джейк, точно чумы.

— Я всегда так и делаю.

Джизр снова принялся за свой взфлбургер.

— Еще не выдохся?

— Нет.

— Салют.

Воздушный автоизвозчик предупредил:

— Осторожно, сэр.

Конджер взял с сиденья свой универсальный саквояж и выглянул из окна такси.

— До пассажирского трапа не меньше шести футов.

— Потому я и предупредил вас, сэр.

— Лучше спустимся пониже.

— Крр, — недовольно проскрипел контрольный пульт такси. Спускковой механизм завертелся, сердито ворча, и расстояние до трапа, ведущего к телепортической станции Е65, сократилось до шести дюймов. — Такой здоровый парень, как ты, мог бы спокойно прыгнуть на несколько футов вниз.

Около входа на станцию толстый коротышка с лысеющим спереди черепом стучал по автомату, сбываящему книги:

— Я получил только с XXXVIII по LXVII главы «Моби Дика», — жаловался он. — На обложке вашего двухдолларового издания классиков значится: «Полное, не обработанное цензурой». — Заметив Конджера, полулысый покраснел и перестал колотить по автомату.

Кивнув толстяку, Конджер прошел на станцию средних размеров, подошел к столу заказов и сказал:

— Бронь для Джейка Конджера.

За изогнутым алюминиевым столиком сидела блондинка с торчащими в разные стороны синтетическими грудями. Она улыбалась, щелкая клавишами перед собой.

— Пожалуйста. Телепортирование в одиннадцать часов. Новый Лисабон. До отправления семнадцать минут, — не переставая улыбаться, сказала она. — Хотите со мной переспать?

Конджер взял пропуск и прилепил его к лацкану дорожного костюма-двойки.

— Нет, благодарю вас, — улыбнулся он в ответ.

— Вы, вероятно, не в настроении, — заметила привлекательная блондинка. — Думаю, путешествие укрепит вашу нервную систему.

— Семнадцати минут для этого мало, — ответил Конджер, — кроме того...

— Именно это я и сказала мистеру Шеллебергеру, — подхватила блондинка. — Это его идея. Он, как вам известно, директор Манхэттенской Службы Узаконенной Проституции, так вот, он считает, что доходы СУП возрастут, если направить членов Службы в каждый телепорт острова. СУП так успешно действует на Главной Центральной Станции, что он смекнул...

— Поезда романтической, — заметил Конджер. — На поездах и железнодорожных вокзалах чувствуешь себя праздно, точно в XX веке.

— Именно это я и сказала мистеру Шеллебергеру. В течение полугода я была двухсотдолларовой девочкой на Джерси Моно. Там мы огребали будь здоров.

Шесть человек, сидевшие напротив, встали со своей жестяной лавки и прошли на одну из трех телепортических платформ. Конджер глянул на бирку на своем лацкане.

— О, не беспокойтесь, — заверила его блондинка. — Хоть я и проститутка, но свое дело здесь знаю. Я дала вам правильный пропуск. Может, на прощание по крайней мере поцелуете меня? Всего один доллар.

— Я не слишком сентиментален в отношении путешествий, однако благодарю вас.

Он улыбнулся и отошел от стола.

— 10.50 — телепортирование в Рио-де-Жанейро, — оповести-

ля громкоговорители под потолком. — Платформа 2, последний вызов.

Прошла еще минута. Какой-то мужчина поднялся на четыре ступеньки к средней платформе. Там в ожидании телепортирования шаркали ногами, кашляли и чесали носы шесть человек.

Раздался сигнал механизма под платформой. Потом шипение. Платформа опустела.

Конджер взял свой саквояж, набитый в основном витаминами и пищевыми концентратами, и сел возле левой платформы.

Когда был объявлен одиннадцатичасовой рейс на Новый Лисабон, на платформу 1 поднялись лишь Конджер да полулысый толстяк.

Толстяк запиховал листы бумаги для факта в свои карманы.

— Я не только не узнаю, чем все кончится, но даже не буду знать, с чего началось.

Раздался сигнал. Через тридцать секунд Конджер уже был в Новом Лисабоне.

Конджер шел по темной и грязной аллее, а за ним катился автомат-попрошайка, от него во все стороны летела грязь, отбросы, обломки костей.

— Одно пожертвование, сеньор, и вас оставят в покое, — скрипучим металлическим голосом кляничил квадратный робот. — Дайте мне всего-навсего пятьдесят эскудо, и я вручу вам значок, который отныне оградит вас от притязаний всех настоящих живых попрошаек Старого Лисабона.

— О'кэй. — Конджер уже обменял в телепорту Нового Лисабона часть своих денег на португальскую валюту. — На, и перестань брызгать в меня этой гадостью. — Он опустил банкету в специальное отверстие автомата.

— Muito 'brigado, — произнес автомат на колесах, заглотив деньги. — Что означает: премного вам обязан или большое спасибо.

— Знаю, — буркнул Конджер.

— Возьмите значок, сеньор. Прошу прощения, что он в масле. — Автомат с разгону налетел на одну из нескольких тысяч норилловых опор, на которых покоился Новый Лисабон. Сверху посыпались комья грязи и птичий помет (в этом месте распорки находились на высоте ста футов), оставляя следы на дорожном костюме-двойке Конджера. — Sinto muito, — буркнул автомат, вытягивая свою складную руку, чтоб стряхнуть сор с плеч Конджера. — Что означает: я очень извиняюсь.

— А передо мной почему не извиняешься? — спросил настоящий попрошайка, который развалился на грязном тротуаре. — Ты переехал мой протез.

— Что? — переспросил автомат, приостанавливаясь.

Бродяга высвободил ногу из-под своей драной хламиды и пнул грязный робот в бок.

— Это, tonto¹, моя приставная нога.

Конджер решил не ввязываться в ссору и заспешил прочь по мощенной булыжником мостовой. В одном месте в крыше

¹ Tonto — дурак (португ.).

Старого Лисабона было вентиляционное отверстие, сквозь которое теперь робко пробивались предзакатные лучи солнца. Конджер наступил на дохлую собаку, распугивая жирных серых крыс, обсевших падаль. За углом, рядом с развалинами собора XVI века, поднимался купол нового здания. Здесь пульсировала огнями надпись высотой в два фута: «Механические кулачные бои! Робокс!»

Одна крыса провожала его до самой кассы. Носком своего туристического ботинка из синтекожи Конджер отшвырнул ее в сточную канаву.

Внутри раскрашенной будки из пластика сидел только что выкрашенный в ярко-розовый цвет робот-гуманоид.

— Сколько, сеньор?

— Один, — сказал Конджер. — В секцию отдельных кабин. — В Новый Лисабон он прибыл в пять вечера. На телепортирование из Манхэттена ушло всего тридцать секунд, но из-за разницы во времени он, по сути, потерял шесть часов. В отеле «Ново Америка» Конджера ожидали закодированные послания, повелевавшие ему спуститься в Старый Лисабон и связаться со снайпером, который стрелял в полковника Кавалу. Снайпер должен был ожидать его в своей кабине на матче по боксу среди роботов.

Подъемные трапы не работали, и Конджеру пришлось подниматься пешком и идти еще вдоль подковообразного ряда висящих прямо над рингом пластиковых кабин.

Внутри кабины № 15 на полуспушенном надувном кресле сидел толстяк в защитной рубашке и брюках и следил за поединком роботов внизу. Он жевал толстую черную колбасину, обернутую в ржаной хлеб.

Конджер прошел по узкому мостику и постучал условным стуком в дверь пятнадцатой кабины.

Не переставая жевать, толстяк повернулся к двери.

— Que deseja? — спросил он. — Что означает...

— «Что вы хотите?» Знаю.

Всего шесть месяцев назад Конджер прошел во сне курс португальского языка. Приблизившись к прозрачной залапанной стенке кабины, он сделал условный знак рукой.

— Que? — спросил толстяк. Он откусил от своего громадного бесформенного сэндвича, заулыбался. — O, sim, да, конечно же, американский шпион. — Entre, что означает... «входите».

Конджер вошел в кабину.

— Давайте обменяемся нашими условными знаками, — предложил он толстяку.

Толстяк помахал у него перед носом колбасой.

— Я — капитан Конти Дельгадо, хорошо известный любитель кулачных боев, — рассмеялся он. — Вам это хоть кто подтвердит.

Снизу донесся скрежет двух древних роботов-боксеров, столкнувшихся в драке.

— Даже так.

Вздохнув, толстяк положил свой сэндвич на крышку плетеной корзинки для пикников из пластика, которая стояла между его ног. Он сделал свой условный знак.

— Тепер, sente-se, por favor, что означает...

Конджер присел на единственное свободное в этой тысячной кабине кресло. Оно зашипело и стало постепенно выпускать воздух.

— Что вы можете рассказать мне о полковнике Кавале? — спросил он.

Дельгадо взял одной рукой свой недоеденный сэндвич, другой полез в корзинку.

— Хотите кровавой колбасы, сеньор? Из собственной свинины. — Он задрал кверху нос. — Я содержу на окраине Нового Лисабона свиноферму.

— Нет, благодарю вас.

Конджер достал из кармана флакончик с таблетками из бурых водорослей и высыпал на ладонь четыре таблетки.

— Свиньи у меня самые здоровые на свете, сеньор. Они питаются только помоями из органических продуктов, раз в месяц я собственноручно ввожу каждой антибиотик. Приходилось ли вам когда-нибудь привить несколько тысяч свиней за...

— Вернемся к полковнику, — перебил его Конджер.

Пожав плечами, Дельгадо вынул руку из корзинки с лакомствами. С ринга донесся скрежет металла.

— Хм. Переодетый Волшебник упал. Это не входило в программу. — Он откусил кусок колбасы и повернулся к Конджеру. — Полковник Кавала мертв.

— Вы в этом уверены?

— Уж я-то знаю, в кого стреляю, сеньор.

— И вы убили Кавалу, а не кого-то другого?

Дельгадо расхохотался.

— Я состою внештатным наемным убийцей с тех самых пор, как уволился в запас, прослужив долгое счастливое время на переднем крае в Анголе. Для того чтоб удержаться на этой должности внештатно, нужно зарекомендовать себя надежным человеком, что необходимо и в вашем сугубо специализированном деле. Меня бы давно прогнали, ошибись я хоть разок.

— Вы хорошо знали полковника?

— Одно время мы были с ним очень близкими друзьями, — сказал капитан Дельгадо. — Разумеется, до того, как он стал рьяным радикалом и слюнявым либералом. Мы вместе участвовали в этой, к несчастью, неудачной кампании по отвоеванию Гоа у паршивых индейцев.

— И вы можете поручиться, что застрелили именно его?

— Безусловно. Гарантирую вам, что я со своим заданием справился. Не пойму, почему так переполошились в СНБ?

— Я служу не в СНБ. — Конджер проглотил две таблетки из бурых водорослей. — Я служу в АРФе.

— О, но ведь вы, служащие АРФа, вы не так... не так... — Он описывал колбасой круги в затхлом воздухе. — Вы не так бесстрашны, и у вас меньше фантазии, чем у сээнбэсовцев. Я не помню, чтоб получал заказ от вас. — Он откусил кусок колбасы. — Однако, сеньор, где бы вы ни служили, можете спать спокойно: Кавала убит и его больше нет в живых. Я продырявил его вот здесь... нет, чуть выше... вот здесь. Пробил насквозь из самого лучшего на свете лазерного оружия, револьвера русского производства, которым премировало меня ваше СНБ по случаю

моего последнего дня рождения. Даже самые толковые хирурги не смогли бы залатать такую дыру.

— А как вы думаете, где теперь его тело?

— Бедняга Кавала похоронен на фамильной делянке перенесенной на новое место священной земли нашего кладбища Пресвятой Девы, — сказал Дельгадо, указывая большим пальцем в потолок. — Наверху, в Новом Лисабоне.

Об этом говорилось в закодированном послании, которое ждал Конджера в отеле.

— Один из наших арфовцев в Новом Лисабоне навел сегодня утром справки, — сказал Конджер убийце. — Гроб оказался пуст.

— Merdel!

Капитан Дельгадо уронил свой сэндвич с колбасой.

— Вы об этом знали?

— Конечно же, нет, сеньор. Моя работа кончается со смертью моего подопечного, — сказал толстяк. — Я не слежу за их дальнейшей судьбой. В этом же случае я расчувствовался, вспомнил наши когда-то дружеские отношения во время службы в Анголе, и пришел хоронить бедного заблудшего Кавалу. Я видел его в гробу. Его рану можно было легко прикрыть одежкой. Видел, как полковника Макако Кавалу закапывали в землю.

— Кто-то его оттуда откопал.

— Я с ним сквитаюсь, — пообещал толстый убийца.

Горгулья была рогатая, вся покрытая чешуей и сделана из камнезаменителя песочного цвета. Она весила ровно четыреста десять фунтов. Горгулья сорвалась с одного из куполов новоперемещенной церкви святой Фатимы и грохнулась о тротуар в трех футах левой Конджера.

Он почувствовал, что она падает, еще за несколько мгновений до того, как горгулья ударилась о тротуар окутанной вечерним полумраком улицы Нового Лисабона, и успел отпрыгнуть вправо. Он потерял равновесие, но ему удалось упасть на руки. Не вставая, он повернул голову и глянул вверх.

На подставке, где только что покоилась эта горгулья, стоял здоровенный детина. Он разочарованно пожал плечами, погрозил Конджеру кулаком и стал спускаться, перешагивая через маковки переселенного на новое место святого храма.

— Верзила Мак, — произнес Конджер, узнав того, кто только что спихнул статую. — Значит, этим делом занимается и ССА.

Вокруг горгульи столпились туристы, облаченные в пестрые цельнокроенные туристические костюмы.

— Очень редко приходится видеть эти скульптуры вблизи, — заметил с виду приятный голландец. Он достал свою автоматическую камеру, и та зажужжала, снимая на пленку распростертое на земле безобразное чудовище из пластика.

Конджер поднялся на ноги, потер вывихнутое запястье. Обойдя кучку зевак, он заспешил прочь.

Отсюда до отеля «Риц-Механикс» было всего два квартала, однако, прежде чем войти в это двадцатиэтажное здание, Конджер из осторожности обошел его вокруг. В отеле его ждал еще один португальский связной.

Вскоре он очутился в длинном зеленом коридоре, где сновало

полчище уборщиков-андроидов, роботов, напоминающих очертаниями человеческую фигуру. В Новом Лисабоне все еще была в почете модель «няня-негритянка», давно запрещенная в Соединенных Штатах и большинстве стран, говорящих на английском языке.

Вынув из маленького, пристегнутого сбоку ранца инструменты для управления андроидами, Конджер подкрутил здоровенную девицу, разодетую в пестрый ситцевый наряд.

— Отвези меня в служебном лифте на этаж 19А.

— Слушаюсь, сэр. Для меня это будет громадный счастье — сделать вам такой маленький услуга, — ответила дружелюбная девица-андроид и повела Конджера по коридору за угол. — Эта есть наш наилучший лифт, сэр.

Когда лифт доставил Конджера на этаж, где его ждал связанной, он поставил пружину анроида на прежнее место и направился в номер 1926А. На всех дверях на уровне глаз красовались только что намалеванные портреты теперешнего португальского диктатора. Конджер остановился перед дверью 1926А и постучал условным стуком по широченному носу диктатора.

За дверью раздалось: «Voilà!», скрежет металла и грохот.

Конджер постучал снова, на сей раз по тройному подбородку диктатора.

Из номера закричали: «Momentito». Снова раздался скрежет, потом резкий оклик: «Voilà!»

— Достаточно, — послышался другой голос. — Где этот проклятый выключатель? Ага, вот он.

— Voilà! — надсадно кричали из-за двери.

— Вы слишком высоки для шпиона, — сказал другой голос прямо за дверью. — Я разглядываю вас через это проклятое потайное отверстие. Они сделали его слишком высоко, и мне приходится подниматься на цыпочки. Ага, вот.

— А как насчет условного стука? — поинтересовался Конджер.

— Какого? — спросил голос из-за двери.

— Когда я вот так постучу, — Конджер постучал по двери, — вы должны ответить мне определенным образом.

— Секундочку. Сейчас вспомню. Так?

— Нет.

— Вы правы. Никак не могу припомнить этот проклятый шифр. Слишком он длинный. Целая симфония. Ага, так?

— Теперь правильно.

— О'кэй, сейчас я постараюсь заставить эту проклятую дверь открыться. Я хотел остановиться в «Ново Америка», но мне сказали, что в этом сезоне у АРФа урезали бюджет, к тому же в автоматизированном на 90 процентов «Риц-Меканикс» за мной будет обеспечен лучший уход. Открывается дверь? Ни с места? Стойте там, а я постараюсь вышибить ее ногой. Только сниму ботинок. Господи, теперь эти проклятые штиблеты делают так, что их не снимешь. Не знаю, как вы, но когда я был мальчишкой, ботинки были со шнурками, а не с этими проклятыми электрошвами. А у вас в детстве были ботинки со шнурками?

— Я почти все время бегал босиком.

— Правда? А вот мне бы родители ни за что не позволили.

Я самый младший отпрыск в семье, и меня слишком нежили. Ага, сейчас я ее выломаю.

Дверь застонала, неприветливо заскрежетала и раздвинула створки.

В прихожей стоял мужчина ростом меньше пяти футов. В руке он держал ботинок с электрошвом. У мужчины были светлые кудри и усы пшеничного цвета. Ему исполнилось тридцать девять. На груди его фехтовального комбинезона сверкало красное вышитое сердце.

— Здравствуйте, сеньор. Меня зовут Кэнгуру. Я — шпион экстра-класса. Входите.

Поперек перемещающегося по воздуху кофейного столика валялся, широко раскинув руки, учитель фехтования-андرويد. Хотя его механизм и был выключен, изнутри доносилось низкое жужжание.

— Берете уроки фехтования? — поинтересовался Конджер.

— Нет, бальных танцев, но проклятое Бюро Обслуживания прислало не тот автомат. Но коль уж его прислали, да еще с целым комплектом обмундирования, я решил попробовать свои силы в фехтовании. — Кэнгуру усадил Конджера на жестяную кушетку, а сам сел напротив, на диван из искусственного каучука. — Я являюсь не только в высшей степени везучим шпионом, сеньор, а еще время от времени подрабатываю небольшими ограблениями. — Он наклонился к Конджеру и поставил перед ним миску с вареным картофелем. — Хотите подкрепиться?

— Нет, благодарю вас. — Из бокового кармана Конджер извлек коробочку с витамином В-комплекс, достал и проглотил две капсулы. — Я слышал, вы видели полковника Кавалу живым и невредимым.

— Именно к этому я и клоню, — сказал маленький шпиончик. — Несколько дней назад, занимаясь своим вторым родом деятельности, связанным с ограблением, я случайно попал в монастырь братства святого Иоахима.

— Где это?

— Неподалеку от городка Винда, милях в пятидесяти к югу от нас, — пояснил Кэнгуру. — Там, где делают мицингу.

— Что-что?

— Вы никогда не слышали о мицинге? Всемирно известный спиртной напиток. Так вот, эти проклятые братья готовят эту чертову микстуру. В ее состав входит сотня различных трав и прочие ингредиенты. Секрет производства мицинги знает лишь братва святого Иоахима да шесть-семь роботов. Лично я считаю, что в ней чего-то не хватает, к примеру, маловато аниса, но против мнения большинства не попрешь.

— А посторонних в этот монастырь пускают?

— Нет, сеньор. Монастырь усиленно охраняется и практически неприступен. Дело в том, что монахи — народ религиозный и поэтому не очень доверяют всяким электронным стражам. Вот потому-то я и просил, чтоб АРФ прислало мне невидимку, — пояснил Кэнгуру. — Как только я отыщу свой проклятый электрокарандаш, я набросаю вам план их укреплений.

— Как же вы туда проникли?

— Мне помогла моя знакомая игуменья, — сказал кудрявый шпиончик. — Однако на одной и той же кобыле два раза не

выедешь. Пойдите, сейчас я отыщу проклятый карандаш. — Он встал с дивана из искусственного каучука и захромал в дальний угол громадной гостиной. — От фехтования, сынок, нет никакого толку. Вот только стал хромать.

— Вероятно, это от того, что вы в одном ботинке, — высказал предположение Конджер. — Так что же с полковником? Вы видели его в монастыре?

— Не забегайте вперед. Дайте мне сначала отыскать второй ботинок.

— Вы поставили его на алюминиевый столик в прихожей.

— Как вы наблюдательны, сеньор. Вы давно стали невидимкой?

— Так что же с полковником?

— Я видел его там, в монастыре братства святого Иоахима. — Кэнгуру отыскал второй ботинок. — Он был в часовне, одетый в монашеский наряд, и зажигал свечу у гробницы святого Норберта Богоподобного.

— Вы в этом уверены?

— Стал бы я продавать АРФу пустой анекдот за 1000 эскудо? Да я абсолютно уверен, что видел Кавалу живым и невидимым через несколько дней после его похорон.

— Кстати, коль уж заговорили о продаже сведений, вы больше никому их не заложили?

— Неужели вы думаете, что можно завоевать репутацию шпиона экстра-класса, торгуя сведениями и вашим, и нашим? — Он обул свою маленькую ножку и снова повернулся к Конджеру. — Я не говорил об этом никому, кроме местного представителя вашего АРФа.

— Агент ССА сбросил на меня горгулью, когда я шел сюда.

— Горгулью? — Кэнгуру мигнул. — Богатая у них фантазия. Эти агенты Сетей Сельхозагентуры не такие уж и простачки.

— Если ССА дано задание меня уничтожить, это значит, что Китаю II известно, зачем я здесь.

— Sim, Sim, — буркнул шпиончик. — Да, Китай II постепенно остывает к вашей стране, к тому же они ненавидят нашего диктатора. Они поддерживали Кавалу, вероятно, даже готовились финансировать переворот. Им было бы на руку, останься Кавала в живых. Которую горгулью на вас сбросили?

— Ту, что слева на парапете новоперемещенного храма святой Фатимы, — ответил Конджер. — Рогатое чудовище в чешуе с вот такой рожей.

Конджер скривил физиономию, имитируя горгулью.

Кэнгуру покотился со смеху.

— Я знаю, которую вы имеете в виду. В ней весу фунтов пятьсот. — Он вернулся к диванчику и сел. — У вас талант мима. Какая жалость, что вам столько времени приходится быть невидимкой. Как вы этого достигаете?

— Благодаря секретному процессу.

— На самом деле вы не становитесь абсолютно невидимым, не так ли?

— В основном все построено на иллюзии. Она оказывает действие где-то в радиусе около четверти мили, — пояснил Конджер. — А теперь набросайте мне план этого предприятия по производству мицинги,

— Если Кавала и в самом деле был на том свете, тогда, значит, мы имеем дело с чем-то и кем-то внушающим благоговение, — сказал Кэнгуру, вставая, чтоб отыскать свой карандаш. — Воскрешать мертвых — дело нешуточное.

— Да, фокус что надо, — согласился Конджер.

В вестибюле веселились чернокожие посыльные-андроиды. Один из них делал целый каскад прыжков-шпагатов, а его товарищи смеялись и аплодировали ему. Отполированным до блеска кончиком правого ботинка андроид-акробат указал в прыжке на человека, которого Конджер тут же признал.

Это был полулысый толстяк, телепортировавшийся вчера вместе с ним из Нью-Йорка в Новый Лисабон. Толстяк ссутулился в желтом целлулоидном кресле, притворившись, что читает открытую наугад страницу «Моби Дика». Когда толстяк понял, что Конджер его заметил, он покраснел.

Конджер направился к парадному входу. Сегодня утром ему необходимо попасть в монастырь Братства святого Иоахима. «Интересно, на кого работает этот тип? — размышлял Конджер. — На ССА, СНБ, а может, даже на АРФ?» Он на ходу повернул в сторону парикмахерской-гимзала при отеле.

В вестибюле дурачились андроиды.

Старший парикмахер-робот был выкрашен сверкающей красной и белой краской. Он напоминал жирного цирюльника с вывески.

— *Vom dia*, сеньор, — приветствовал он, взяв Конджера за руку. — Что на вашем языке означает *dobru gapo*.

— Это не на моем языке. — Конджер вырвал свою руку из руки расплывшегося в улыбке робота.

— Так вы не чех? Тогда, держу пари, вы венгр. Что ж, *jo reggel*.

— И вам того же. — Конджер шел теперь мимо шеренги автоматов-маникюрш. — Хочу принять паровую ванну.

— О, прошу вас. *Furdo*, как говорите вы, венгры.

— Точно. — Конджер направился в сторону паровой бани.

— Я горжусь тем, что с первого взгляда определяю национальность моих клиентов, — не унимался раскрашенный, точно индеец, робот. — Новый Лисабон, как вы могли заметить, место, где пересекаются почти все маршруты, сеньор. Поэтому каждый должен...

Полулысый толстяк осторожно переступил порог парикмахерской. Распахивая листы «Моби Дика» по прорезным карманам своего дорожного костюма, он уселся перед первым автоматом-маникюршей. «Ой!» — воскликнул он через несколько секунд.

В предбаннике воздух был насыщен парами. У дверей в раздевалке за круглым резиновым столиком сидел андроид, покрытый каплями испарений.

— *Vom dia*, сеньор, — приветствовал он, — что означает...

— *Jo reggel*, я знаю.

Конджер прошел мимо андроида в раздевалку.

— *Um momento*, — крикнул тот. — Вы должны заплатить за вход двадцать эскудо.

Конджер бросился бежать мимо пустых шкафчиков, остановился на том месте, откуда его не могли заметить, и стал невидимым.

Теперь он проделал весь свой путь в обратном направлении. Покрытый испариной андроид, который встал со своего места за столиком, чтоб отыскать Конджера, прошел мимо него.

Конджер стоял возле двери в предбанник. Минуты через три она открылась, и туда вошел полудулый толстяк.

Пока он, сощурившись, вглядывался в клубящийся пар, Конджер прошмыгнул мимо него и, невидимый, направился своей дорогой.

Белка выскочила из дупла в дубе и стала спускаться на устланную листьями землю. Перебираясь на соседнее дерево, она перепрыгнула через правую ногу Конджера.

Конджер с удовлетворением отметил, что его теперь никто не видит. Он — человек-невидимка. Сам он еще видит себя, но больше никто не видит, даже звери. Для того чтоб овладеть этим трюком, ему потребовалось девятнадцать месяцев учебы в подготовительной школе Секции Самобытных Дарований в Новой Англии. Это был процесс, частично контролируемый рассудком и усвоенный из древнего тибетского ритуала ныне покойным Винсентом Экс Уорсом. Остальное зависело от правильного применения особой жидкости, которая втиралась в тело. Она, помимо всего прочего, распространяла вокруг дурманящие пары.

Конджер спустился с лесистых холмов, окружавших обитель Братьев святого Иоахима, и направился на ее штурм. Монастырь походил на обнесенный стеной город. Он занимал акров двадцать площади и был окружен высокой, со множеством башенок, стеной из светло-коричневого камня.

Главный вход был оборудован электродатчиками, они, по всей вероятности, зафиксировали бы его появление. Если верить плану, который набросал Кэнгуру, задние ворота в обитель охранялись только вооруженными братьями.

Конджер вышел из леса и, утопая в высокой траве, прошел полем вдоль одной из монастырских стен, направляясь к задней его части. Колокол в часовне возвестил одиннадцать часов утра, в ясное голубое небо взметнулись стаи диких голубей.

В саду у монастырской стены штук двенадцать золотисто-коричневых роботов опрыскивали из шлангов, прикрепленных к заплатам, персиковые и абрикосовые деревья. Кобыла-автомат тащила деревянную телегу. Сидящий в ней длиннорукий робот собирал пустые баки, которые снимали с себя роботы-садовники.

Роботы тоже поддавались влиянию этого процесса невидимости. Конджер, никем не замеченный, догнал медленно ползущую телегу и устроился в уголке, куда не доставал длиннорукий робот.

Вдоль ближних деревянных ворот расхаживал по пыли монах в грубой, землистого оттенка рясе. У него на бедрах поблескивал бластер. Монах остановился, откинул назад капюшон и, вытирая тыльной стороной ладони вспотевший лоб, посмотрел в сторону сверкающих под солнцем садовников.

— Загружен, загружен, — пробормотал себе под нос длиннорукий робот. Он протянул руку и поковырял в жестяном ухе полуавтоматической кобылы. Та двинулась в сторону ворот.

Монах распахнул тяжелые деревянные створки. Телега, в ко-

торой сидел никем не замеченный Конджер, въехала на монастырское подворье.

Когда ворота закрылись, Конджер спрыгнул с телеги. По обе стороны дороги тянулся строго распланированный сад, в тысяче футов впереди виднелись концентрические окружности монастырских строений.

Справа от Конджера за утопающим в алых и золотистых цветах столом из неотесанных досок сидело три монаха. Ни один из них не был полковником Кавалой.

Самый старый из монахов капнул из мензурки в крохотный, величиной с наперсток, стаканчик какой-то жидкости и протянул его монаху, который сидел рядом с ним.

— Ну, что скажешь, брат Гулхэм?

Брат Гулхэм, сорокатрехлетний мужчина, осторожно пригубил стаканчик.

— Гм, — крикнул он, опрокинув наперсток с жидкостью себе в рот. — Да, брат Джоао, на вкус это, безусловно, несравненная старая мицинга.

Брат Джоао постучал большой ложкой по виску своего меньшего собрата.

— Топто, это кока-кола.

— Не может быть.

Третий брат, рыжий толстячок, заметил:

— Из него никудышный дегустатор, брат Джоао.

— А ты-то, брат Джордж, лучше, что ли? — возмутился Гулхэм. — Ты сам принял за мицингу лимонад, оставшийся от пирושки брата Педро. Уж ты бы лучше молчал.

— Братья, братья, — стал увещевать их старый монах. — Вы оба должны усердно молиться, чтоб испросить у святого Норберта, святейшего покровителя вкусовых ощущений, ниспослать вам сию способность различать вкус. В особенности ты, брат Гулхэм, который не может отличить мицингу от кока-колы.

— Как же, поставишь тут свечку святому Норберту, когда в часовне все время околачивается этот лжемонах Кавала, — проворчал брат Гулхэм. — Он мне на нервы действует.

— Полно, полно, брат. Мы все должны учиться налаживать связи с только что воскресшими. Ведь разве не учит нас святейший боже, что недалек тот день, когда поднимутся все усопшие.

Передернув плечами, брат Гулхэм сказал:

— Меня кондрашка хватит, когда такой день наступит.

— Давайте-ка лучше сполоснем горло настоящей мицингой, брат Джоао, — предложил рыжеволосый монах. — У меня от этих ужасных разговоров в животе похолодело.

Покинув группу дегустаторов, Конджер двинулся к монастырским постройкам. Они были выложены из того же бурого камня, что и стены, на окнах красовались решетки из железных прутьев.

Часовня находилась во внутреннем круге. Робот-садовник, согнувшись, раскрашивал из бутылочки с красной краской искусственные розы.

Казалось, в этой часовне, где царили прохлада и полумрак, никого нет. В передней части высился широкий алтарь, по обе его стороны стояли фигуры, изображающие святых. Справа от

святого Иосифа Конджер разглядел дверь с табличкой. Приблизившись, он прочитал: «Усыпальница святого Норберта, святейшего покровителя вкусовых ощущений, а также автора «Быстрого приготовления вин», «Веселого виноделия» и прочих книг».

Массивная дверь была прикрыта не совсем плотно. Конджер легонько толкнул ее.

Перед алтарем в нише стоял в коленопреклоненной позе здоровенный детина лет пятидесяти в монашеской рясе братства святого Иоахима. Это был полковник Макако Кавала.

— Так как же с новым матрацем, за который я молился? — вопрошал он у высокой, в человеческий рост, статуи святого. Тот, кто побывал в царстве мертвых, должен проявлять особое внимание к своей плоти.

Конджер засунул руку в свой ранец и достал оттуда, как он думал, сыворотку честности. На самом же деле это оказались капсулы витамина АД. Он проглотил пару капсул, потом достал сыворотку и серебряный шприц.

Незамеченный, он пересек усыпальницу и воткнул иглу наполненного сывороткой шприца в толстую шею Кавалы.

— И что у тебя за усыпальница? Грызут не то вши, не то...

Воскресший полковник замолк, застыл на месте.

— Скажи мне, как тебя зовут, — потребовал Конджер. Он уперся своим невидимым задом в перила, ограждающие статую святого покровителя вкусовых ощущений.

Темные глаза Кавалы заволокло туманом.

— Я — Макако Хозе Кавала, бывший полковник Португальской армии, несчастная жертва недавнего...

— Тебя считают мертвым.

Кавала едва заметно усмехнулся.

— Так оно и было, невидимый сеньор. И, надо сказать, впечатления у меня потрясающие. Я уверен, что у вас самые что ни на есть неправильные представления о смерти. Вот я-то знаю все наверняка. Ну, прежде всего...

— Кто тебя воскресил?

— Это предприятие финансируют Сети Сельхозагентуры, да благословит их бог, — сказал полковник, одурманенный сывороткой честности. — Потом они позаботились, чтоб меня доставили сюда, где я нахожусь в безопасности, относительной безопасности. Пока мы не соберемся совершить переворот, я хочу сказать, в США не соберутся. Они понимают, что сейчас для этого неподходящий сезон. Переворот, который пытались совершить несколько недель назад мои введенные в заблуждение соперники, потерпел полнейший провал. Однако мне кажется, что...

— Итак, значит, счет оплачен секретными агентами из Китая II, — перебил его Конджер. — А кто осуществил работу по твоему воскрешению?

— Его называют Дремой.

— Дремой?

Кавала покачнулся, дважды ударился головой о старую деревянную статую, потом растянулся лицом вниз на ступеньках, ведущих к алтарю.

— Я думаю, Драма — его кличка, ироническое прозвище, — бормотал он. — Ведь он в отличие от сказочного Дремы несет

с собой не сон, а пробуждение. По крайней мере насколько мне известно...

— Кто он такой?

— Этого, сеньор, я не знаю. Я узнал о нем только тогда, когда меня уже воскресили. Ведь я был мертв, пока он творил надо мной свои чудеса. А когда ты мертв, все твои ощущения...

— Ладно, ладно. — Конджер помог полковнику подняться на ноги и опереться о подставку для свечей на четырех ножках. Огоньки дрожащего пламени бросали красноватые отблески на скуластое лицо воскресшего. — Ты видел этого Дрему?

— Честно говоря, я видел его только в спину, когда он выходил из лаборатории, — сказал опьяненный сывороткой полковник. — Это сравнительно худой, высокий мужчина в белом костюме. Я бы дал ему лет тридцать пять, однако, как вы, мой невидимый друг, должны понять, я в ту пору только вернулся к жизни и, разумеется, всего разглядеть не мог. Знаете, кого он мне напомнил?

— Кого?

— Правда, не совсем, однако есть некоторое сходство. В походке и фигуре. Он напомнил мне сэра Томаса Энсти-Гэтри, знаменитого британского необиолога. Я встречался с ним несколько лет назад на Всемирном Форуме Научных Фантастов в Амстердаме. Однако если это был сэр Томас, почему тогда...

— Тебе что-нибудь известно о методах Дремы, как он осуществляет воскрешение?

— Если хотите знать, у него восхитительные методы...

— Хочу знать. Можешь сообщить мне какие-либо подробности?

— К сожалению, нет, мой друг! Знаю только, что он творит вещи, которые я раньше считал невозможными. Например, моя раина почти полностью исчезла. Я боялся, что от такой дырищи останется ужасный шрам. Однако...

— А все-таки как он тебя воскресил?

Кавала вздохнул и снова стал съезжать вниз. Его ряса задралась, обнажив пухлые колени.

— Мне об этом не говорили.

— Ты упомянул лабораторию, — напомнил Конджер. — Что, этому Дреме нужно оборудование, лекарства и операционная?

— Sim, да. И это, и кое-что еще. Как я уже вам сказал, большую часть времени я пребывал в мертвом виде. Даже когда человек живой, ему и то трудно рассмотреть, что происходит в операционной. Помню, когда мне удаляли железы...

— Где находится лаборатория Дремы?

— Я не думаю, чтоб эта была его собственная лаборатория. Мне кажется, он воспользовался чьим-то оборудованием.

— Где это было?

— Милых в ста отсюда, на побережье. Все происходило на красивой вилле герцога Окасолого, — сказал Кавала. — Вероятно, вы помните, как долго и преданно служил нашему государству герцог, будучи послом Португалии на Венере.

— Нет, — ответил Конджер. — А где точно находилась эта лаборатория Дремы?

— Если мне не изменяет память, на втором этаже в огромной комнате с застекленной крышей.

— Объясни мне, как попасть на виллу герцога.

— С радостью, мой друг. — Полковник подробно и пространно описал Конджеру, как попасть на прибрежную виллу графа Окасолого.

Конджер взял лжемонаха под мышки и поставил его на прежнее место на колени у алтаря, а сам, никем не замеченный, выбрался из усиленно охраняемого монастыря.

Человек-ящерица швырялся гвоздиками.

— Нет, и эта не подходит. Не кажется ли вам, что она не гармонирует с цветом моей кожи? — Он был шестифутового роста, в смокинге из искусственного шелка, его чешуя отливала зеленью морской волны.

— Вероятно, из-за того, что вы покраснели от возбуждения, — заметил шафер-человек. Из белой каргонной коробки, которая была у него в руке, шафер достал пурпурную гвоздику. — Примерьте эту, принц.

Зеленый, как волна, венерианец фыркнул своим узким носиком.

— Эта еще хуже.

Оба стояли в увитой зеленью беседке поместья герцога Окасолого. Дело было на следующий день после визита Конджера в монастырь. Он только что взобрался на никем не охраняемую стену из белого камня, окаймляющую громадное, в пятьдесят акров, поместье герцога со стороны океана. Конджер снова был невидим.

— А как вам нравится пестрая гвоздика? Или вот эта красавица шоколадного цвета?

— Нет, не то. — Принц-ящерица раздраженно махнул рукой, и коробка с цветами полетела на землю. Оттуда посыпались гвоздики.

Одна из них упала на невидимые колени Конджера. Он поспешно сбросил ее.

Принц-венерианец глянул в его сторону и поморщился.

— Вся эта суматоха вокруг моей бутоньерки расстроила мои оптические нервы. Мне показалось, будто эта безобразная розовая гвоздика, прежде чем упасть на землю, задержалась на несколько секунд в воздухе.

— Давайте вернемся на виллу, принц, — предложил шафер. — Я уверен, что там мы отыщем нужный вам цветок.

— Презираю свадьбы на открытом воздухе, — жаловался человек-ящерица низкорослому шаферу, плетясь за ним следом по подстриженной травке. — Ох, эти абсурдные поступки, на которые нас вынуждают дипломатические соображения. — Он повернул назад свою большую зеленую голову, чтоб бросить прощальный взгляд на стену, где все еще сидел невидимый Конджер.

Спрыгнув на траву, Конджер оглядел владения герцога. В двух тысячах футов отсюда за холмистыми лужайками и островами цветов высился замок Окасолого, выстроенный из пористого розового камня. Около замка пестрели полосатые тенты, на широком белом бельведере настраивал инструменты оркестр из землян и венерианцев.

Через главные ворота въезжали гости в огромных лэндкарах, современных автомобилях, большинство же падало прямо с лазурного неба в своих серебристых и золотистых хопперах. Конджер обратил внимание на государственный хоппер посла Соединенных Штатов в Новом Лисабоне, который собирался приземлиться на посадочной площадке справа от розового замка.

По нижней аллее катились выкрашенные свежей краской авто-тележки с закуской. Человек-ящерица в золотисто-коричневом смокинге потянулся было за ломтиком поджаренного хлеба с икрой, но его предупредили: «Только после церемонии».

Конджер пробирался сквозь густеющую с каждой минутой толпу, стараясь никого не задеть локтем. Веселый толстяк венерианец испустил радостный вопль, увидев только что спустившегося посла Соединенных Штатов. Он протянул ему свою руку, которую Конджеру пришлось обойти.

Около венерианца стояла тоненькая девушка лет двадцати четырех и смотрела на разыгрывающихся оркестрантов. Она была красива какой-то нестандартной красотой, и Конджеру показалось, будто он ее знает. Нет, лично с ней он знаком не был, но, кажется, встречал ее на одном из последних инструктажей АРФА. Он пожал невидимыми плечами и двинулся дальше.

Принц-ящерица расхаживал по огромному залу внутри замка, жестикулируя своими прикрытыми чешуей руками и громко разглагольствуя:

— На нашей планете мы часто вставляем в бутоньерку герань.

— Очень хорошо, очень хорошо, ргiпсiре, — кивал ему согбенный старец. — Мы телепортируем специально для вас цветы герани. Какой вам нужен цвет?

— О, на это уйдет несколько часов, а мне уже через полчаса нужно жениться на этой неряхе принцессе.

— Я — герцог Окасолого, — напомнил старец ящерице. — Я могу в мгновение ока достать для вас герань любого цвета. — Тогда я хотел бы алуо, — сказал принц.

Конджер поднялся на второй этаж по витой мраморной лестнице.

Молоденькая худенькая девушка-ящерица в наряде из черных кружев, смахивающем на нижнее белье, бежала ему навстречу по застланному коврами холлу.

— Я этого не вынесу! Я этого не вынесу! — кричала она.

Конджер прижался к обшитой панелями стене, чтоб дать ей дорогу.

Из комнаты в конце коридора выскочили две толстухи, одна — ящерица, другая — человек, и бросились за девушкой. Они догнали принцессу и вцепились в нее с двух сторон.

— Оркестр уже настраивает инструменты, — напомнила ей толстая ящерица, ставя принцессу на колени.

— И сандвичи уже готовы, — добавила вторая толстуха. — По 1400 каждого сорта.

— Угу, — кивала головой принцесса.

Конджер бочком вышел из их окружения.

Мать принцессы сказала:

— Принц очень красив.

— Он — маменькин сынок.

— Это все дворцовые сплетни.

Коридор разветвлялся надвое. Конджер пошел влево. Комнаты в этой части виллы были пусты. Он заглядывал во все двери. Наконец он отыскал большую белую комнату с высоким стеклянным куполом. Снаружи по стеклу вразвалку разгуливали три черных голубя.

«Что же сделал Дрема? — гадал Конджер. — Телепортировал все оборудование вместе с собой?»

Он принюхался. В комнате еще слегка пахло лекарствами, а на голом полу был след, который мог оставить передвижной операционный стол.

Обыскивая комнату во второй раз, Конджер заметил маленькую зеленую пилюлю, которая лежала у стены поверх слоя пыли. Это была пилюля из бурых водорослей, такая же, какие употреблял он сам. Конджер положил ее себе в ранец.

В остальных комнатах он не нашел ничего интересного. Потом он обследовал правое крыло. Там были только комнаты для гостей.

Коснувшись прикрепленного сбоку ранца, Конджер сказал сам себе:

— Поговорим со старым герцогом.

Герцога Окасолого в зале не было. Принца с шафером тоже.

Конджер слышал капризные жалобы принца, доносившиеся с лужайки.

Окасолого стоял у бельведера, передавая стопку нот ящерице-капельмейстеру в коричневом.

— Rgncire настаивает, чтобы вы включили в программу двенадцатитоновые брачные мелодии венерианцев, — говорил герцог капельмейстеру.

Конджер, никем не замеченный, направился к герцогу.

Вдруг ему сделалось не по себе. Он остановился возле стола-автомата с сэндвичами и нахмурил невидимые брови. На него кто-то смотрел.

Медленно повернув назад голову, Конджер увидел стройную брюнетку. Она смотрела прямо на него.

Едва заметно улыбаясь, брюнетка пересекла лужайку и схватила Конджера за руку.

Почти не двигая губами, тоненькая брюнетка сказала:

— Нам надо поговорить.

Она отпустила руку Конджера и медленно пошла прочь.

Он последовал за ней.

Брюнетка повела его подальше от гостей по аллее, обсаженной лаймовыми и лимонными деревьями, к огромной оранжерее. В насыщенном парами стеклянном помещении стояли в длинный ряд кадки и ящики с тропическими растениями. Со стен свисали гроздья винограда. Повсюду плел свои замысловатые кружева солнечный свет.

Остановившись в самом дальнем конце оранжереи, девушка сказала:

— Вы, кажется, тоже ничего не нашли?

— Как это вы смогли меня углядеть?

Она подняла обе руки и сделала опознавательный жест.

— Узнаете?

— Условный знак Службы Национальной Безопасности, — сказал Конджер. — Но как же все-таки вы смогли меня углядеть?

— Меня зовут Анжелика Эйбрил, — сказала девушка. — Номер моего РУ — 762-3342-А0.

— Рад познакомиться с вами, мисс Эйбрил. Меня зовут Джейк Конджер.

— Знаю, — кивнула Анжелика. — СНБ почти полгода назад изобрела способ противостоять эффекту невидимости Секции Самобытных Дарований.

— Восхищен.

— Вы этого не знали?

— Нет.

Девушка нахмурила брови.

— Странно, Джейк, СНБ проводит обычно политику информирования АРФА в вопросах, непосредственно касающихся дела.

— Как вы этого достигаете?

— Точно мне неизвестно. Мне сделали какой-то укол. — Она провела своими тонкими пальцами по верхней части руки. — Мне кажется, меня просто снабдили иммунитетом. Кстати, вы один из лучших невидимок. На прошлой неделе мне пришлось работать бок о бок с агентом Тейтом в Верхнем Монреале, и я должна сказать, что он бузовый невидимка.

Конджер достал коробку с витамином С в таблетках.

— А кто-нибудь в противоположном лагере обладает таким иммунитетом?

— В каком противоположном лагере?

— Я имею в виду Китай II. Один их агент все время меня преследует.

— О, вы имеете в виду Верзилу Мака и его дружков? — спросила Анжелика. — Нет, они видят вас только тогда, когда вы видимы. Насколько нам известно — а СНБ обычно располагает надежными сведениями, — ваших агентов пока удается видеть только нам. Верзила Мак что-то на вас сбросил, не так ли?

— Горгулюю из пластика.

— Ну и времена пошли. Раньше горгульи делали из камня.

— Да, каменные для таких целей надежней, — заметил Конджер. — Вам неизвестно, как Верзиле Маку удалось меня выследить?

— ССА взяли в Новом Лисабоне и его окрестностях двух ваших арфовцев. Возможно, те проговорились, или же они выследили вас, когда вы беседовали с капитаном Дельгадо на матче по боксу.

— СНБ тоже за мной следит?

— Запомните раз и навсегда: я приехала сюда не за тем, чтоб следить за вами, — сказала темноволосая Анжелика. — Я прибыла сюда независимо от вас, в качестве сотрудницы американского посольства. — Девушка постаралась заморозить его улыбкой. — Хотите со мной сотрудничать?

— В чем?

Анжелика рассмеялась.

— В этом задании, касающемся Дремы. СНБ плевать, на какие уступки идет их агент, лишь бы только это принесло результаты. Вот я и решила, что, коль уж наши дорожки будут то и дело пересекаться, нам лучше сводить концы воедино. Результаты в таком случае будут куда эффективней.

— Вам известно, кто такой Дрема? — спросил Конджер.

— Нет. Но и вам, судя по всему, это неизвестно.

— Я как раз собирался использовать на герцоге сыворотку честности.

— О, мне кажется, в его возрасте он не выдержит две инъекции подряд.

— Вы его уже обработали?

— Примерно с час назад, пока вы обыскивали виллу. Герцог захотел меня ущипнуть, и я увела его в пустынный уголок.

— Где он вас ущипнул?

— Один раз, до того, как я ввела ему эту сыворотку.

— Что ему известно?

— Ничего особенного, — сказала Анжелика. — Он представил свой замок на одну ночь Дреме, за плату. Политически герцог не имеет к этому никакого отношения. Его даже не было здесь, когда оборудовали лабораторию.

— А где теперь его лаборатория?

— Все оборудование куда-то телепортировано по системе контрабанды, — пояснила девушка. — Мы сами заинтересованы в том, чтоб его отыскать.

— Кто платил герцогу за аренду помещения?

— В данном случае основная сумма поступила из Китая II, от Сетей Сельхозагентуры. И небольшая сумма от фронтовых друзей полковника Кавалы, которые пустили шапку по кругу.

— В данном случае, — повторил Конджер. — Вам известны другие случаи?

— Мы знаем еще пять человек, воскрешенных Дремой. Четверо из них — радикальные политические фигуры, пятый — норвежский поэт-либерал. — Красотка снова ему улыбнулась. — О'кэй, я поделилась с вами кое-какими сведениями. Хотите сотрудничать со мной и сообщить то, что известно вам?

Дорожки между рядами тропических растений были вымощены мозаикой, переливающейся зеленью морской волны. Конджер, отойдя от девушки на несколько ярдов, рассматривал узоры на полу.

— Я знаю о Дреме не больше вашего, — наконец сказал он. — Что касается совместной работы — нет. Люблю работать в одиночку.

— Неужели? Это понравится вашему шефу Джиэру.

Конджер промолчал.

Анжелика подошла к нему и остановилась возле карликовой пальмы.

— Возможно, мы встретимся снова в Рио. Подумайте о моем предложении.

— Почему именно в Рио?

— Вчера вечером лидер повстанцев, известный под именем Мачадо, был застрелен, как полагают, во время тайного визита в Рио, — пояснила девушка. — Есть все основания считать, что Дреме поручат его воскресить. Поэтому, как только я по-

кончу с делами здесь, я собираюсь телепортироваться в Бразилию. Хотите, подвезу до телепортической станции?

— Я еще не знаю, куда мне предстоит податься после этого. — Вероятно, в Рио. — Анжелика подошла к стеклянной двери. — Итак, до встречи.

На фоническом экране проявился шеф Секции Самобытных Дарований. Он жевал пончик и все время вытягивал шею.

— Ну-ка, Джейк, отойди в сторону. Я был в Рио пять лет назад, и мне хочется взглянуть, что там делается сейчас.

Конджер отошел в сторону и облокотился о щит, ограждающий его балкон на 20-м этаже. Под ним раскинулся Рио-де-Жанейро, эта мозаика из белого мрамора и изумрудной листвы в полуденной дымке светло-шоколадного цвета.

— Что ты ешь?

— Разумеется, лэнч, — сказал Конджер, обращаясь к пиксфоническому экрану. — В Манхэттене теперь перевалило за полдень. Я взял себе за правило питаться в одно и то же время, чтоб не расстроить пищеварение.

Конджер взял со стоящего рядом автостолика стакан витаминизированного апельсинового сока.

— Есть какие-нибудь новые сведения, касающиеся только что воскрешенного смутьяна?

Джиэр вытер со щеки виноградное варенье и облизнул палец.

— Я для того и нанял этого недоноска, чтоб он кое-что для тебя раскопал.

— Какого недоноска?

— Этого кудрявого португальского шпика.

— Кэнгуру? Он в Бразилии?

— А где же еще ему быть? Только что оплатил счет по его телепортированию. Он должен был попасть туда еще ночью. Я решил, тебе потребуется помощник, владеющий местным языком. К тому же у него, мне кажется, нюх на этих воскресших подонков. Он с минуты на минуту тебе доложится.

— Вы уже навели справки о человеке, которого, как сказал Кавала, ему напомнил Дрема? О сэре Томасе Энсти-Гэтри?

— Он по всем статьям для этого подходит. Чрезвычайно одаренный необиолог, длительное время возглавлял Лаймхаузский научно-исследовательский центр по продлению человеческой жизни в Англии, один срок был партийным лидером в парламенте, — сказал Джиэр. — Вот только...

— Что только?

— Он мертв.

— Многие из тех, кого сейчас считают мертвыми, разгуливают себе живыми и невредимыми.

— Что касается Энсти-Гэтри, то мертвым его никто и не видел, — пояснил Джиэр. — Примерно два года тому назад он вошел в кабину для телепортирования в Лайморе, Калифорния, и так никогда и не появился в месте назначения, в Барчестере, Англия.

— Значит, не исключено, что он жив-здоров.

— Не исключено, — согласился босс. — Я поручил нашему человеку специально заняться этим.

— Что-нибудь еще удалось узнать в Новом Лисабоне?

Конджер сел на воздушную подушку возле фонической стойки.

— Мы пытались найти след кого-нибудь из тех подонков, что откопали тело полковника, — сказал Джиэр, принимаясь за новый пончик. — Вели наблюдение за монастырем, но до сих пор никто из подозрительных личностей не пытался наладить связь с Кавалой. Слуховые мониторы, которые мы установили повсюду, не записали ничего, кроме молитв и высказываний по поводу производства этого проклятого напитка.

— А что слышно насчет агентов Китая II, которые пытались расплющить меня горгульей?

Джиэр проворчал нечто нечленораздельное, помахал у себя под носом листком розовой бумаги для факса.

— Тебе известно, во что обойдется установка на прежнее место этого проклятого пластикового чудовища?

— Нет.

— В 290 долларов. Наличными, — пояснил Джиэр.

— Нам-то что до этого?

— Мой тамошний представитель имел неосторожность проболтаться об этом инциденте, и наш дурачок-посол предложил АРФу в качестве жеста доброй воли взять на себя расходы по установке, — пояснил Джиэр. — Вот я при встрече сделаю ему один жест.

— А что слышно о Верзиле Маке?

— Он вместе с одним или двумя своими коллегами был в Новом Лисабоне в одно время с тобой, — сказал Джиэр, заглядывая в желтый блокнот. — В Новом Лисабоне все еще болтаются несколько агентов ССА, к примеру, вокруг монастыря. Но Верзила Мак, судя по всему, оттуда отчалил. Мне кажется, он тоже должен объявиться в Рио-де-Жанейро.

Выпив апельсиновый сок, Конджер поинтересовался:

— А что ответила Служба Национальной Безопасности?

— Ничего, — сказал шеф.

— Их агентесса произвела на меня впечатление очень общительной особы.

— Одно дело в низах. Здесь же, наверху, даже люди и те закодированы.

— Значит, СНБ не сочло нужным признать, что они нашли способ рассекретить наш процесс невидимости?

Джиэр покачал своей лысой головой.

— С тех пор, Джейк, как ты доложил мне, что эта агентесса может тебя видеть, я только и делаю, что занимаюсь диктовкой докладных и прочих нудных документов. Официально СНБ никогда ничего не признает. Нам, видимо, придется провести массу конференций и заседаний, чтоб обнародовать хотя бы часть сведений.

— Очень досадно, что агенты СНБ могут меня видеть, — заметил Конджер. — К тому же меня беспокоит, что Китай II имеет возможность обнаружить мое местонахождение.

— Не имеют они таких возможностей, — заверил его босс. — Это ничем не доказано.

— Три дня назад мы ничем не могли доказать, что за дело взялась СНБ.

Джиэр закинул в рот остатки последнего пончика.

— Твой боевой дух, Джейк, не поднимется от того, что ты начнешь сомневаться в непогрешимости методов Секции Самобытных Дарований. Запомни, Джейк: в груди АРФа бьется сложный символ веры всех отважных и мужественных поколений янки, так или иначе связанный с кровью, пролитой в священных...

— Что с пилюлей, которую я нашел в помещении бывшей лаборатории?

Джиэр насупил брови и взял двумя пальцами маленький плионовый конвертик.

— Ты уверен, что у тебя мозги в порядке? Телепортирование этой ерунды обошлось нам в 27 долларов, а тут вдруг выясняется, что это одна из тех пилюль из золы бурых водорослей, которые глотаешь ты.

— Не может быть.

— У тебя небось дырявый карман. — Джиэр разжал пальцы с конвертом. — Нужно...

Конджер взглянул вверх и увидел две маленькие ножки, спускающиеся из отверстия в настиле верхнего балкона.

— Минуточку, — сказал он боссу. Его правая рука потянулась к пристегнутому сбоку ранцу, где лежал маленький пистолет. — По-моему, вижу своего внештатного помощника. Свяжусь с вами чуть позже.

Спрыгнув вниз, Кэнгуру сказал:

— Лифты в этом отеле ужасно ненадежные. Этот проклятый механизм провез меня двумя этажами выше, сеньор. — Он стоял, широко расставив ноги и улыбаясь. — Como vai?

— О'кэй. — Конджер вошел с балкона в свою гостиную. — Что-либо узнали?

— В СНБ служат очень симпатичные агенты. — Кэнгуру остановился посередине комнаты. — Здесь все расставили шиворот-навыворот.

— О каких симпатичных агентах вы говорите?

— Эта девушка тоже была в Новом Лисабоне. — Все еще хмурясь, Кэнгуру подошел к прозрачному диванчику, наполненному бирюзовой водой, в которой плавали пестрые тропические рыбки. — Она остановилась в «Интеллекчуэл Риц Отель» под фамилией Анжелика Эйбрил.

Конджер ходил взад-вперед по ковру цвета травы.

— А что слышно об этом смутьяне Мачадо?

Белокурый шпиончик сидел, широко расставив ноги, и следил за маленькими мерцающими рыбками, которые плавали под ним. — Мачадо опять жив-здоров.

— Где на сей раз провел свою операцию Дрема?

— Этого мне еще не удалось установить, — покачал головой Кэнгуру. — В этой стране процветает подкуп, и цены здесь куда выше, чем в Португалии. Я уже потратил чуть не полтыщи долларов.

— Где Мачадо?

— Сообщать все сведения в закодированном виде — страшно трудоемкая процедура, — жаловался Кэнгуру. — Я каждый раз рискую здоровьем и жизнью, в АРФе же выдают зарплату только по 1-м и 15-м числам. Преимущества СНБ в том, что там деньги дают каждый вторник и четверг. — Он следил за поло-

сатой, точно зебра, рыбкой, пока она не исчезла под его задницей. — Где Мачадо находится в данный момент, я вам сказать не могу. Однако мне известно, где он будет сегодня вечером.

— Где?

— Здесь, в Рио, — ответил маленький шпион. — На инаугурационном балу.

Конджер перестал ходить по комнате.

— Кто вступает в должность?

— Никто. Устраивает эти танцульки президент Барко де Песка. На самом деле он заступил на должность больше года назад, только до сего дня времена были тревожные и устраивать официальное торжество было опасно. Когда Мачадо прихлопнули, он решил, что теперь террористы притихнут.

— Мачадо появится там не затем, чтоб станцевать вальс.

Кэнгуру сполз с прозрачного диванчика и стал возле него на колени.

— Этим рыбок нельзя сажать с мелюзгой, этих оранжевых, в крапинку. Они ведь исконные враги, — сказал он. — Насколько мне известно, Мачадо собирается обставить свое возвращение к жизни как религиозное чудо. Он рассчитывает совершить помпезный выход, что поможет ему отобрать власть у Барко де Песка.

— О'кэй, я приду на бал невидимкой и перехвачу Мачадо, прежде чем ему удастся замутить воду. Может, он подскажет нам, где искать Дрему. — Конджер плюхнулся в наполненное золотистыми камешками кресло из псевдостекла и достал пилюлю из золы бурых водорослей. — СНБ подозревали, что Дрема воскресит Мачадо. Может, их агенты следили за его трупом?

Кэнгуру, показывая крохотным указательным пальцем на рыбу-вуалехвостку, поднялся и посмотрел на арфовского агента.

— Хорошо, что вы напомнили мне, сеньор, — сказал он. — Я узнал, что все агенты СНБ, которые посменно несли вахту возле тела этого подонка, клянутся, что к гробу никто не подходил, кроме нескольких смельчаков из левых организаций. Все агенты, в том числе секретная полиция, божатся, что труп Мачадо ни на секунду не покидал простого соснового гроба, в который его поместили. Однако когда вчера поздно вечером их достигли слухи о его воскрешении и они открыли крышку этого соснового гроба, Мачадо там не оказалось.

— Мне это уже известно, — прервал его Конджер. — АРФ посылал туда своего агента, когда стало известно, что Мачадо воскрес.

— Мне кажется, Дрема изобрел новый усовершенствованный способ затуманивать мозги окружающим и сбивать их с толку, — рассуждал Кэнгуру. — Очевидно, агенты СНБ обладают иммунитетом только против более явно выраженных препаратов гипнотического, а также депрессирующего свойства. Этот Дрема, видать, очень одаренный человек.

— По крайней мере в хитрости ему не откажешь.

— А может, вы хотите посетить бал в человеческом облике? — поинтересовался Кэнгуру.

— Нет, я приду туда невидимкой.

— А то я хотел дать вам несколько полезных советов относительно бальных танцев, — сказал Кэнгуру. — Бесплатных, разумеется.

Президентский дворец парил в трехстах футах над землей, поддерживаемый столбами воздуха. Это было круглое здание, эдакий огромный, светящийся в темноте серебряный пончик.

Дворцовые войска сомкнулись в тесное кольцо внизу, окружив пространство под висящим в воздухе дворцом. Гости внимательно разглядывали у трех проходов, образованных солдатами. Лакеи в малиновых ливреях из натурального шелка спрашивали у гостей пригласительные билеты и, чтоб убедиться в том, что они подлинные, опускали их в отверстия квадратных проверочных автоматов. Потом гости поднимались по висячим трапам на платформу, где их тщательно обыскивали роботы специальной службы безопасности.

Конджер проделал с собой соответствующую процедуру в общественном цветочном сквере около висящего в воздухе дворца президента Барка де Песка. Теперь он был невидим. Невидим для всех, кроме агентов Службы Национальной Безопасности.

Кэнгуру укрылся в зарослях ранних тюльпанов и отсюда в ночной бинокль следил за все пребывающими гостями, надеясь углядеть воскресшего Мачадо.

Худой, седовласый лакей, стоящий возле трапа, по которому поднимался Конджер, протирал свои покрасневшие глаза, когда он проходил мимо него. Серый с красноватым отливом робот службы безопасности не обратил на него ни малейшего внимания. Этих роботов использовали в Вашингтоне в конце XX века, и теперь они были списаны правительством Соединенных Штатов. Они были слишком незамысловаты, чтоб его обнаружить.

Все три трапа вели к возвышению из ярко-розового пластика. Высокопоставленный человек-кот с Марса толкнул Конджера своим мохнатым локтем и, сощутив узкие зеленые глазки, ступил на возвышение. Когда он летел к президентскому дворцу, его рыжий мех встал дыбом. За ним, придерживая обеими руками коротенькую юбочку форменного наряда, устремилась вверх хорошенькая темнокожая принцесса Третьего Всемирного Временного Государства 6.

Конджер задержался под аркой, ведущей на возвышение. Когда престарелая аристократка-ящерица обернулась на пороге, чтоб отцепить свой жемчуг от ручки шпаги урбанского генерала, Конджер прошмыгнул мимо нее и устремился вверх.

В зале под музыку оркестра, составленного из девятнадцати разодетых в шелка роботов, танцевало человек двести гостей. Все Рио в данный момент было буквально помешано на вальсе, и оркестр наигрывал Штрауса.

Анжелика Эйбрил, хорошенькая агентесса СНБ, пронеслась мимо него, кружась в вальсе в объятьях дородного мужчины. Конджер узнал в нем Верзилу Мака, агента Китая II, который пытался раздавить его горгульей.

Заметив Конджера, Анжелика едва заметно подморгнула ему.

Конджер почесал нос. Как было бы здорово, если б эта девушка не могла его видеть. К тому же ему не нравилось, что она теперь танцует с агентом ССА.

Но коль уж ты видимый агент, тебе приходится придерживаться иных правил, поэтому он отметил, что на Анжелике было коротенькое платье, обнажавшее ее сильно загорелую гладкую спину.

Конджер отвел взгляд от девушки и направился по бальной зале в поисках Мачадо. В толпе особенно трудно быть невидимкой. Стоит только одному-двум гостям налететь на невидимую преграду, возникнет недоумение и тебе, можно сказать, конец.

Он быстро отпрянул в сторону, чтоб пропустить автоматическую тележку с шампанским, которая катилась к одному из воздушных балконов.

Посол Соединенных Штатов в Бразилии бегом догнал тележку. Он схватил два бокала шампанским и вернулся к герцогине-ящерице, с которой только что кружился в вальсе. На беглом венерианском языке он предложил тост в честь этой покрытой зеленой чешуей женщины. Она широко улыбнулась и сказала в ответ: «Да здравствует Америка!»

В центре безбрежного танцевального зала с черным полом кружились в вальсе, почти касаясь друг друга, четыре пары. Судя по всему, это были президент Барка де Песка и его переселенная в штатское охрана.

Среди них Конджер углядел человека в парике и с фальшивыми усами. Он направился в его сторону, но оказалось, что это не загримированный Мачадо, а всего-навсего престарелый перуанский дипломат.

Кто-то ударил его ногой по коленке, и он отпрянул в сторону, пропуская Анжелику.

Когда закончился вальс, затянутый в белый шелк робот-дирижер объявил: «А сейчас мы предлагаем вам попурри из бразильских народных танцев». Он постучал палочкой по своей почти настоящей ладони, и оркестр автоматов заиграл: «When the Saints Go Marching in».

— Que, Quem, Pog que! — закричал кто-то из президентского кружка.

— Не волнуйтесь, сеньор президент, — окликнул его американский посол. — Я подкрутил ваш оркестр, чтоб он сыграл настоящую американскую вещичку... Думал, вы не станете возражать. Герцогиня сроду не слыхала американского джаза.

— О, разумеется, я не возражаю, — сказал президент Барка де Песка. Он был примерно такого же роста, как Кэнгуру, только гораздо посolidней его. На бал он явился в полной форме главнокомандующего, вплоть до высоченной, разукрашенной золотом шляпы. — Это я от удивления, поскольку ожидал услышать свои любимые танцы, ритмы моего народа. Этот старый почтенный бит, который является настоящим пульсом ничего, но гордого бродяги...

— Я хотел немного развлечь герцогиню, — прервал его высокий посол.

Конджер продолжал свой путь. С тех пор как он вошел в зал, прибыло еще человек пятьдесят гостей, но ни один из них не был похож на Мачадо. Он решил обследовать балконы.

Вместо барьеров балконы были ограждены силовым экраном. На первом Конджер увидел двух девушек-кошек, которые стоя-

ли, облокотясь о невидимый барьер. Они болтали по-португальски с женщиной. Конджер узнал в нем андроида службы безопасности американского посольства.

Отсюда ему был виден сквер, в котором залег Кэнгуру. Из ранца на боку он достал специально окрашенные очки. Белокурый шпиончик должен был посылать ему периодические сигналы-вспышки, чтоб Конджер был в курсе, когда появится Мачадо.

Едва надев очки, он увидел далеко внизу вспышки сигналов Кэнгуру. Крошечные точки света превращались в зашифрованные слова.

В переводе это означало: «Проклятый шифр. Никакой логики. Такая берет тоска после нескольких тысяч бликов. Кнопка сделана так, что сразу же начинает болеть большой палец. Итак, на случай, если вы меня видите... Да будет вам известно, что я только сейчас получил сообщение из одного моего источника, что Мачадо сегодня вечером не объявится. Повторяю, Мачадо на танцульки не придет. Не спрашивайте почему. Вы сами знаете этих смутьянов. Удивительно, как это им с их дисциплиной удалось совершить несколько переворотов. Я буду повторять это проклятое послание каждые десять минут, после чего отправлюсь дрыхнуть».

Пожав невидимыми плечами, Конджер покинул балкон. Анжелики в бальном зале не оказалось. Что ж, ему все равно не велели брататься. И все же как-нибудь ненавязчиво он может сообщить ей ту новость о Мачадо, которую только что узнал.

Он нашел ее на третьем балконе, за оркестром. Девушка беседовала с улыбающимся китайцем, который сжимал в своих пухлых ладонях бокал с шампанским.

Между Конджером и этой парочкой стоял на подставке в форме ящичка андроид-мажордом. Он тихонько наигрывал на своей серебряной гитаре цыганские мелодии.

Задержав взгляд на хорошенькой тоненькой Анжелике, Конджер решил, что теперь опасно с ней говорить. Он застегнул свой невидимый жакет, спасаясь от холодного ветра, который гулял по балкону, и направился в зал.

«Ветер?» — подумал про себя Конджер.

Силовой экран не должен пропускать никакого ветра.

Конджер вернулся и осторожно подошел к краю. В нескольких сотнях футов под ним двигались точки охраны и вновь прибывающих гостей. Он вытянул руку, и та оказалась в прохладном мраке ночи. Кто-то отключил силовую систему.

Он повернулся к Анжелике и увидел, как улыбающийся румяный китаец швырнул свой бокал в темноту и схватил девушку за талию.

— Спасите! — крикнула Анжелика.

— Я бы не стал это делать, будь на то моя воля, — извиняющимся тоном пояснил дружелюбный китаец.

Конджер в два прыжка очутился рядом с ними. Он схватил девушку за плечи и притянул к себе.

Столкнувшись с невидимой силой, китаец от неожиданности выпустил Анжелику, попятился назад, и его каблук оказались над пропастью. Он задержался на краю, балансируя руками и не в силах шагнуть вперед.

Конджер подтолкнул девушку ко входу в зал, а сам бросился вперед и схватил размахивающего руками китайца за полу жакета. Потом поднатужился и втащил толстяка на балкон.

Снова очутившись на балконе, китаец сказал:

— Должно быть, это один из этих американских сволочей-невидимок.

Он сделал выпад ногой, целясь в то место, где, как он предполагал, у Конджера был пах.

Он действовал наугад, однако удар пришелся Конджеру в живот. Конджер хватил ртом воздух и согнулся вдвое. Он тут же заставил себя выпрямиться и сойти с этого места.

Китаец толчком опрокинул андроида с гитарой, надеясь, что тот преградит Конджеру путь.

Конджер отпрянул в сторону, и все-таки падающий автомат его зацепил. Он упал сверху андроида, поцарапав подбородок об острые металлические струны гитары.

Ангелика отошла в сторону, пропуская бегущего китайца. Потом подошла и помогла Конджеру отцепить от автомата одежду.

Посол Соединенных Штатов вместе с герцогиней и множеством других гостей шаркал подошвами под музыку. Это шарканье вместе с грохотом автоматического оркестра заглушили звуки борьбы, которую пришлось вести Конджеру. На балкон даже никто не вышел.

— Агенты Китая II своего слова не держат, — сказала Ангелика, отряхивая Конджера.

— Зачем вы это делаете? Ведь меня никто, кроме вас, не видит.

— Но я не люблю смотреть на запачканных шпионов.

— Этот парень — соратник Верзлы Мака?

— Да, его зовут Джерри Тинг, — ответила Ангелика. — Я считала, что на сегодня у нас перемирие. Я бы не стала танцевать с ними, хоть Верзла Мак и превосходный танцор, знай наперед, что они получили задание убить меня сегодня вечером, а эти парни неумолимы.

— Как вы себя чувствуете?

Красотка в удивлении подняла брови.

— Я? О, превосходно. Кстати, спасибо, что вы спасли мне жизнь.

— Мне кажется, в данном случае наши с СНБ интересы совпадают.

Ангелика протянула руку и погладила Конджера по голове.

— Ну, ну. Вы ждете Мачадо?

— Ждал.

— Вы уже знаете, что его не будет?

— Да, я как раз искал вас, чтобы сообщить эту весть.

— Очень заботливо с вашей стороны, хотя уверена, что в вашем заведении это не оценят. Хотите меня проводить?

Конджер смотрел на девушку. Ночной ветерок врывается через раскрытую дверь не защищенного силовым экраном балкона и тербил ее волосы.

— О'кэй, — кивнул он.

Цыган-скрипач сказал:

— Эй, убери руки.

Конджер, нахмурился, отошел от него.

— Разве у тебя нет выключателя?

— Конечно, нет, — ответил низкорослый цыган, опуская скрипку и поправляя малиновый шарф на голове. — Я — живое человеческое существо, а не робот.

— Ты пилишь, точно робот, — Конджер вернулся к зеленому дивану-гамаку, на котором он сидел, когда в холл Анжеликиных апартаментов вошел цыган со скрипкой.

— А ты, приятель, ворчун, — отметил цыган. — Мисс Эйбрил, как тебе известно, заказала интимный обед на две персоны. С двумя цыганами-музыкантами.

— Так где же второй?

— Я думал, ты, зануда, не любишь цыган.

— Угадал, — буркнул Конджер. — Просто я не могу вышвырнуть человека вон, не поболтав с ним перед этим.

— Хорошо, что Маша слегла с этрусским гриппом и не пришла сюда со своим тамбурином, — сказал цыган, пробираясь через гостиную к выходу. — Пока я здесь, хочешь, достану свечи?

— Свечи?

— Да, зануда, ты будешь иметь две настоящие романтические стеариновые свечи, которые будут коптить на столе во время интимного обеда на две персоны. Они появляются из стены в столовой, — пояснил скрипач, медленно пятясь задом к двери. — После того как я исполню попури, я должен нажать на нужную кнопку.

— Я сам их достану.

Цыган тряхнул головой, и его золотые серьги звякнули.

— Что ж, пошел досматривать футбольный матч.

Конджер медленно раскачивался на диване-гамаке, любуясь повисшей над Рио черной ночью и то и дело переводя взгляд на дверь в спальню Анжелики.

Через несколько минут эта красивая темноволосая девушка вышла к нему переодетая в короткий вечерний наряд.

— Джерри Тинг порвал в двух местах платье, когда хотел меня спихнуть, — сказала она. — С кем ты тут разговаривал?

— С цыганом.

Анжелика присела на краешек висящего в воздухе стула из красного дерева.

— А я его знаю?

— Он прилагается к обеду, — сказал Конджер. — Ты сама заказала интимный обед на две персоны.

— Просто я не слишком голодна. А у интимного обеда небольшие порции, — пояснила стройная красавица. — Или ты умираешь с голода?

— Нет.

— Я заказала его не ради интима, понимаешь?

Кивнув головой, Конджер заметил:

— И две свечи.

— И две свечи.

— В дополнение к цыгану.

— Две свечи и двое цыган, только один из них заболел.

— А где же свечи?

— Нужно нажать кнопку.

Конджер встал и направился в столовую.

Девушка протянула руку.

Конджер остановился возле нее.

— Нам не нужны никакие свечи, — сказала она.

— Да, они нам вроде ни к чему.

— Честно говоря, я съела штучки три маленьких сандвича на президентских торжествах. А ты без конца глотаешь свои витамины.

— Итак?

— Итак, ни тебе, ни мне обед не нужен.

— Вот именно.

— Это здорово.

Конджер заключил девушку в объятия.

Анжелика спала, тесно прижавшись к нему. Конджер открыл сначала левый глаз, потом правый. Огромная круглая спальня постепенно наполнялась лучами только что взошедшего солнца. По ту сторону портьер чирикали искусственные птички.

Комната заметила, что Конджер проснулся, и по синему полу бесшумно подкатился к кровати пузатый серебряный кофейник-автомат.

— *Vom dia*, доброе утро, — прошептал пузатый кофейник. — Не хотите ли свежайшего натурального кофе, сеньор? С жирными сливками и ложкой, вёрхом...

— Не надо кофе, — сказал Конджер правым уголком рта.

Красивая темноволосая Анжелика что-то пробормотала во сне и скользнула ладонью по его обнаженной груди.

— Тогда что прикажете, сеньор? «Интеллекчуэл Риц Отель» может предложить вам только что заваренный китайский чай, приготовленный из...

— Я обычно ничего не пью, пока не пробегу свою дистанцию и не закончу все упражнения, — пояснил автомату Конджер.

Анжелика открыла глаза.

— С кем ты разговариваешь, Джейк?

— С кофейником.

— О, — она склонила головку на плечо.

От стены отделился второй автомат и с грохотом подкатился к кровати.

— *Vom dia*, сеньор. Не хотите ли настоящих американских лепешек, выпеченных из отбеленной, обогащенной витаминами муки и густо смазанных искусственным...

— Нет. — Конджер осторожно сел в кровати и сделал жест рукой, приказывая пузатому автомату убираться к чертям. — Я ничего не ем, пока не пробегу положенного и не закончу зарядку.

— Могу принять у вас заказ, сеньор, и обслужить вас по окончании вашей деятельности, — предложил автомат. — Может, желаете попробовать сочной свиной колбасы, обжаренной...

— Нет. — Конджер пнул автомат ногой.

— Ага, теперь я все понял, — заметил автомат. — Вы влюбились и потеряли аппетит. Вас поразила стрелой этот, как вы, американцы, его называете, Колбасон.

— Купидон, — поправила Анжелика. Она повернулась на спину и потянулась. — Почему бы вам, ребята, не вернуться к себе в стену? Я позову вас, когда нужно.

— Ну конечно же, — согласился кофейник. — Мы появились только потому, что в правила «Интеллекчуэл Риц» входит...

— Назад! — прикрикнул Конджер.

Когда автоматы удалились, Анжелика сказала:

— Вот так-то лучше.

Конджер обошел вокруг кровати и сел на краешек возле Анжелики.

— Я, честно говоря, всего этого не ожидала, — сказала она, сделав своей тоненькой рукой неопределенный жест.

— Я тоже, — кивнул он. — Не представлял до конца.

Она подтянула коленки к подбородку, и всепогодное покрывало соскользнуло с ее тела.

— Когда я еще в Португалии предложила тебе работать вместе, я точно не...

— Знаю.

Входная дверь крикнула:

— В коридоре болтается подозрительный тип, синьорина.

— У-уф! — Конджер обежал вокруг кровати и схватил с ночного столика возле своего изголовья ранец. Пристегнув его наспех, он выскочил в гостиную.

— Оденься, прежде чем воевать с врагами! — крикнула ему вслед Анжелика.

— Вы только взгляните на этого подлеца, — призывала дверь. — Если это ваш знакомый, что маловероятно, я его впусти. В противном случае я натравлю на него нашего местного сыщика.

Смотровая щель в двери увеличилась, и Конджер увидел Кэнгуру, разряженного в белый туристический костюм-двойку и замызганные светлые туфли.

Белокурый шпиончик держал в руке букет тюльпанов и переминался с ноги на ногу.

— Какой дурак изобрел такую идиотскую дверь? — ворчал Кэнгуру. — Мало того, что звонок высоко, он к тому же и пачкается.

— Я предприняла все меры предосторожности и решила взять у него отпечатки пальцев, — пояснила дверь Конджеру. — На случай, если вы, сеньор, захотите справиться о нем в международном ФБР.

Конджер подошел к переговорной щели.

— В чем дело, Кэнгуру?

— Надеюсь, вы здесь по собственной воле, — сказал шпиончик.

— Да. Как вы меня отыскивали?

— А как я отыскиваю остальных? Это моя работа. — Кэнгуру приблизился к двери. — У меня для вас имеется парочка важных сообщений.

— Жду вас через час в своем отеле.

— Они слишком важны, чтоб их откладывать.

Конджер нахмурился.

— Хорошо, минуточку. Сейчас вас впущу.

— Слишком уж высокую температуру поддерживают в этом холле, тем более что в Рио сейчас превосходная погода.

Конджер вернулся в спальню и начал одеваться.

— Не возражаешь, если я несколько минут побеседую в твоей гостиной со своим связным?

— Конечно же, нет. — Прекрасная Анжелика сидела в кровати все в той же позе, подтянув колени к подбородку. — Это тот самый кудрявый?

— Он — мой единственный связной.

— Ты должен добиться, чтоб на это дело отпускали больше средств.

Одевшись, Конджер поцеловал девушку.

Кэнгуру вошел в гостиную и отдал Конджеру букет.

— Передайте его молодой леди. Я нарвал эти цветы вчера вечером в общественном сквере, решив, что тюльпаны никогда не помешают.

— Что за сообщения? — Конджер швырнул желтые и красные тюльпаны на висящий в воздухе кофейный столик.

— Ваш босс, сеньор Джиэр, недоволен, что вы подружились с этой молодой леди, — сказал Кэнгуру. — Он велел вам с этим делом завязать, не то грозился привязать к вашему хвосту консервную банку.

— Откуда Джиэр об этом узнал?

— Sinto muito, сеньор. — Шпиончик сплел пальцы на животе и, уставившись на них, сказал: — Боюсь, об этом доложил ему я, когда ответил сегодня утром на его вызов по вашему пиксфону.

Конджер прищурил глаза.

— Как случилось, что вы ответили на этот вызов?

— Он звонил, а ваш душ, как вы знаете, оборудован пиксфоном, — пояснил Кэнгуру. — Звонок мешал мне петь, вот я и ответил.

— Вы принимали душ в моей ванной комнате?

— Душ в моем номере в «Ултиме Сплендидо» работает плохо, — оправдывался Кэнгуру. — Из него льется лишь теплая вода с кленовым сиропом. Вероятно, они соединили...

— Вы сказали, что сообщения два. Где же второе?

— Я знаю, где воскресили Мачадо, — тише обычного сказал Кэнгуру.

— Вам известно, где находится лаборатория Дремы?

— По крайней мере одна из его временных лабораторий. Думаю, вам удастся кое-что различать, если вы посетите это место.

— О'кэй, — сказал Конджер. — Подождите меня в вестибюле.

— Лучше я подожду на улице. В вестибюле слишком низкая температура, — сказал Кэнгуру. — Долго вас ждать?

— Не знаю.

Конджер вернулся в спальню.

Густые заросли поднимались выше огромного купола, распростертого над городом. Разлапистые виноградные лозы изумрудно-зеленого цвета оплели со всех сторон бледно-желтые стены купола. Они переплелись с тонкими усиками повители, усыпанными пикообразными листочками. Большие сплюснутые алые цветы, казалось, впечатались в прозрачную стену, разделяющую американскую колонию от бразильских джунглей. В зарослях буйной листвы бегали пауки величиной с кулак. По веткам скакали пестрые птицы.

Полуденное солнце буквально на глазах наливалось золотом. Под куполом было прохладно и пахло прериями Среднего Запада и деревенской стряпней.

Конджер поставил на ноги одну из своих автоматических камер и ободряюще похлопал ее:

— Запечатлей эту скульптуру.

Камера прыжками приблизилась к скульптуре, выполненной из трех спрессованных вместе автомобилей модели конца XX века, которые были посыпаны разбухшими рисовыми зернами.

Пока автоматическая камера щелкала, делая снимки, Конджер огляделся по сторонам. Сейчас он был видим и поэтому облачился в туристический костюм-тройку и шляпу из псевдосоломы с узкими полями. Город этот находился в нескольких милях от Рио, в глубине материка и состоял в основном из жилищ и магазинов экспатриированных художников, писателей и связанных из Соединенных Штатов.

Если верить Кэнгуру, который остался в Рио-де-Жанейро, лаборатория, где оживили Мачадо, находилась здесь. Кроме Конджера, по улице слонялось человек сто туристов.

Насколько ему было известно, Анжелика тоже осталась в Рио. Она не рассердилась, когда он сказал ей, что им, вероятно, опять придется работать в одиночку. Она улыбнулась и что-то сказала насчет любви и долга. Но вся беда была в том, что Конджеру недоставало этой красивой хрупкой деушки. Вот и сейчас, когда все его мысли должны быть сосредоточены на... как там его зовут... ах да, Мачадо, Мачадо и Дреме, он все равно думал о ней.

Свистнув камере, Конджер направился к студии художника, которому ему непременно нужно было повидать.

На углу ему улыбнулся мужчина с жиденькими черными усиками.

— Мои работы вас очень интересуют, — начал он. — Сзда ниго начинался ряд аккуратненьких белых коттеджей.

— Неужели? — Конджер наклонился, чтоб камера могла прыгнуть прямо ему в руки.

— Я сэкономлю уйму вашего времени, объяснив наперед, что я — самый лучший художник во всей колонии.

С противоположной стороны к ним приближались две пожилые туристки в цветастых одеждах.

Конджер остановился.

— Что ж, сэр, хоть я и хочу посмотреть буквально все, не возражаю начать с самого лучшего.

Женщины свернули на тропинку, ведущую к первому коттеджу. Когда одна из них погнулась к ручке двери, усатый художник крикнул:

— Руками ничего не трогать, леди!

Отдернув руку, женщина спросила:

— Вы мистер Ховарт?

— Да, леди. Единственный и неповторимый Ховарт.

— Разве это не ваш магазин?

— Нет, леди, то одно из моих произведений искусства, — пояснил художник. — Я — ведущий художник по интерьеру в в Западном полушарии. Фактически во всем мире у меня есть один-единственный соперник, Мок из Китая I, который в основном специализируется на пагодах. — Конджеру он сказал: — Чую прибыльную сделку. Увидимся позже.

Конджер продолжал свой путь. Первая галерея в следующем квартале была отдана в распоряжение живых картин. Мужчина, главное действующее лицо в самой большой пасторали, страдал от сенной лихорадки, и после каждого чиха у него спадала баранья шкура. Дальше шел магазин листовых отходов, потом галерея, где были выставлены гигантские карикатуры и миниатюрные доски для афиш.

— Повидайте человека-невидимку! — зывали из-за угла.

Конджер свернул за угол. Там помещалась галерея, которая носила название «Лавки невидимых произведений искусств Орландо». В лавке не оказалось никаких произведений искусств, хоть там и паслось человек пятнадцать туристов.

В середине этого квартала находилось то самое помещение, о котором ему говорил Кэнгуру. Это было длинное ветхое двухэтажное строение с выставочным залом внизу и студией на верхнем этаже. На одном из низеньких, вровень с землей, окошек красовалась вывеска: «Технико-художественные новинки Инцы».

Первая комнатка выставочного зала Инцы Дей-Льюис была отдана, если верить афише, в распоряжение так называемых реагирующих картин. Там висело штук двенадцать огромных, написанных маслом полотен.

— Привет, болван, — окликнул Конджера большой портрет, изображающий американского кавалериста XIX века. — Чем могу служить?

Конджер не обратил на него ни малейшего внимания. Он расхаживал по залу. На большинстве полотен были запечатлены сценки из жизни Запада — загоны для скота, охота на буйволов, состязания по перетягиванию каната.

— Ага, все ясно, зазнайка, — отметил реагирующий портрет. — Тебя, вероятно, интересуют листовые отбросы или же эти кошмарные хибары Ховарта.

В следующей комнате было полным-полно размалеванных вручную электробытовых приборов. Там тоже никого не оказалось. Остановившись возле пылесоса с гавайским пейзажем, Конджер обернулся и крикнул генералу:

— Где мисс Дей-Льюис?

— Кто-кто, вобла?

Конджер приблизился к портрету.

— Мне нужна девушка — хозяйка этого помещения.

Из ордена на груди генерала брызнула тоненькая струйка соленой жидкости и попала Конджеру прямо в правый глаз.

— Ха-ха-ха, — расхохотался портрет. — Прямо в морду.

Отойдя назад, Конджер заметил:

— Люблю картину, обладающую чувством юмора. Сколько стоишь?

— Тебе, дурень, это не по карману. Я не твоего поля ягода. Лучше приобрети лист для выпечки вафель с пейзажем зимнего Вермонта.

— Я хотел бы обговорить это с мисс Дей-Льюис. Где она?

— Наверху, — сказал генерал. — Слоняется без дела по своей студии. Она похожа на два мешка с гипсом, которые оставили под дождем. Лучше оставайся здесь и вступай в переговоры со мной, тупица.

Конджер отыскал лестницу и поднялся на верхний этаж. Студия Инцы Дей-Льюис напоминала пеструю барахолку. Прислоненные к стенам и мольбертам реагирующие картины с потрохами в разной стадии изготовления, по всему деревянному полу разбросаны всевозможные внутренности, тут же высились три здоровенные кучи различных деталей.

На полу валялась толстая девица лет под тридцать. Она лежала на спине, широко раскинув руки, и дышала медленно и натужно. На груди ее платье пропиталось красной жидкостью, которая не была похожа на краску.

Конджер склонился над умирающей девицей.

— Кто?

— Не доверяй... не доверяй... китайцу, — тяжело дыша, выдала Инца. — Я обещала молчать... но... сюда должен прийти какой-то ублюдок из Ам... Америки... нельзя верить... мне...

— Вам известно, где теперь Дрема?

Ее дыхание замедлилось.

— Я знаю... знаю, куда собирается этот китаец... Знаю...

— Куда?

— Они... они не знают, что я знаю... Меня здесь не было, когда они разговаривали... но... но они сказали индейцу... они...

Она дышала все реже и реже. Потом перестала совсем.

Конджер встал и попятился назад. Тяжелая ручка от пылесоса угодила ему прямо в висок.

Прежде чем прийти в себя, он ответил еще на один вопрос:

— Я не знаю, кого она имела в виду, говоря о каком-то индейце. — Конджер раскрыл глаза. Он все еще находился в студии умершей девицы, но, судя по свету из окон, времени прошло немало.

Джерри Тинг, агент Китая II, сидел неподалеку от пego на короточках. Он улыбался и ворошил своими пухлыми пальцами содержимое ранца Конджера.

— Следует отдать должное американской изобретательности, — сказал он. — Эта ваша сыворotka честности действует лучше нашей.

Конджер приподнялся на локтях и взглянул на улыбающегося китайца. Сзади Конджера высилась гора негодных деталей. В дальнем углу комнаты сидел Верзила Мак, на коленях у которого лежали револьвер-глушило и бластер.

— В следующий раз оставляю тебя висеть между небом и землей, — пообещал Конджер Тингу.

— Послушай, Джейк, — китаец не переставал улыбаться, —

я это оценил. Я восхищен недругом, который спасает жизнь своему заклятому врагу даже после того, как тот пытался расправиться с его девушкой. Вы, американские шпионы, немного сентиментальны. Если мы будем расценивать вашу сентиментальность по десятибалльной системе, я бы дал тебе...

— Прекрати этот треп, — вмешался Верзила Мак. У него был грудной голос, и, когда он говорил, казалось, будто в его горле что-то клокочет. — Сделай ему еще одну инъекцию, чтоб выболтал нам все до капельки, прежде чем мы его укокошим.

— Сети Сельхозагентуры подключили к этому делу свои лучшие силы, — заметил Конджер, тихонечко подвигаясь на заднице в сторону кучи хлама. — Что, Дрема работает исключительно на ССА?

— Ему за это еще как платят, — ответил Тинг, не переставая улыбаться. — ССА за все платит огромные деньги, вот почему он время от времени кое-что для нас делает. Однако, насколько мне известно, он выполнял кое-какую работу по заданию 1/2 Эфиопии, Нового Ньюфаундленда...

— Закройся, дубина, — приказал из своего угла Верзила Мак. — Он нам должен отвечать, а не ты ему. Ведь допрашиваем его мы.

— Ты знаком с Дремой? — спросил Конджер китайца.

— Он психует, если я слишком много говорю.

— Господи Иисусе! — взмолился Верзила Мак. — Неужели мне придется колоть эту воблу самому? — Он встал со своего псевдоплетеного кресла.

Не поднимаясь на ноги, Конджер резко подался назад, прямо на кучу хлама. На него и на вечно ухмыляющегося агента ССА посыпалась всякая рухлядь: поющие чайники, десятискоростные автоматы для поджаривания булочек, автоматические формы для выпечки хлеба, вафельные листы и прочий хлам.

Конджер рывком выхватил свой ранец из рук китайца. Потом покатились по полу в сторону двери.

— Ни с места, мудрило! — приказал Верзила Мак.

Конджер схватил мольберт и с силой швырнул им в противника.

Бластер Верзилы Мака выплюнул огненную струю, и недоконченный реагирующий портрет с криком «Черт возьми!» превратился в кучку золы.

— Подожди его убивать! — послышался из-под кучи металлического хлама голос Тинга.

— Я забыл, в какой руке у меня глушило.

Конджер укрылся теперь за высоким книжным шкафом и уже натирался специальным лосьоном, при помощи которого можно было стать невидимым.

— Ну-ка выбирайся из-под этого хлама, — приказал своему коллеге-китайцу Верзила Мак. — А то этот псих собирается превратиться в привидение.

В ближнем от Конджера углу находилась кухня, отгороженная недописанным холстом, запечатлевшим охоту на буйволов. Конджер бросился туда.

Верзила Мак выстрелил снова.

Автоматическая плита всхлипнула, раскалилась докрасна, потом вдруг почернела как сажа.

— Мак, осторожней, — предупредил Тинг. — Ты снова стрелял из бластера.

— Виноват. Ага, значит, так: в левой руке — глушило, в правой — бластер. О'кэй, теперь все ясно. Эй, мудрило, выходи-ка оттуда, не то могу снова ошибиться и поджарить твою начинку.

Конджер, вероятно, из-за того, что ему только что вкачали инъекцию честности, никак не мог стать невидимкой. Он скрипел зубами, напрягаясь снова и снова. «Ага, наконец», — проворкотал он себе под нос. На цыпочках вышел из угла и укрылся за другим холстом с буйволами.

На этот раз Верзила Мак выстрелил из глушила. Раздался низкий басовый звук. Холст с буйволами опрокинулся.

Тем временем Конджер, никем не замеченный, подошел к куче хлама вблизи Верзилы Мака. Он вытащил оттуда тяжелую сковородку и с размаху стукнул ею Мака по голове.

— Берегись привидения! — воскликнул Тинг, выбираясь из-под кучи хлама, но сковорода была уже в трех дюймах от башки его коллеги.

Послышался глухой удар. Верзила Мак буркнул: «Проклятый домовой!» — и плюхнулся на колени.

Конджер быстро отпрянул назад, чтоб не столкнуться с падающим агентом. Он внезапно споткнулся о тело мертвой девушки и растянулся на полу. Ударившись спиной о голые доски, Конджер почувствовал приступ дурноты.

— Ага, вот он! — воскликнул Тинг и подскочил к падающему в обморок Верзиле Маку, чтоб взять у него оружие.

Конджер снова стал видимым. Он не стал терять время на превращение в невидимку, вскочил с пола и бросился бежать вниз по лестнице, потом дунул через галерею к выходу.

Неподалеку от портрета генерала он замедлил шаг. Справа от генерала висел портрет надуленного индейского вождя. «Индеец», — подумал Конджер. Он снял со стены огромный портрет и взял его под мышку.

— Если тебе непременно надо что-то украсть, хватай что-либо стоящее, — заметил вездесущий генерал. — Я никогда не имел ничего против наших краснокожих братьев, однако...

Конджер выскочил на мостовую. Тут он замедлил шаг и напустил на себя безразличный вид, чтобы создалось впечатление, будто он попросту купил этого громадного индейца.

Он уже дошел до угла, когда на углу выскочил Тинг. Китайский агент пробежал футов десять, потом вспомнил, что на улице полно народу, и перешел на быстрый шаг. Он снова улыбался и даже приостановился, чтоб погладить по головке светловолосого мальчугана в костюме повстанца.

Конджер свернул направо и с полквартила пробежал. Пока на него не обращали особого внимания. Прямо у себя над головой он увидел пульсирующую световую рекламу. «Кабачок писателей и художников» — гласила она, и светящаяся стрелка указывала в сторону аллеи. Конджер пошел, куда указывала стрелка.

Из кабачка вывалились поэт-лирик и художник-декоратор.

— Святая Молли! — изрек поэт, заметив спускающийся с небес хоппер.

Конджер слышал сзади себя шаги; не оборачиваясь, он знал, что и Тинг обнаружил эту аллею. Путь вперед преградил приземлившийся хоппер.

— У нее прекрасная фигура, — отметил художник.

— Нет, нет, слишком худа, — возразил поэт. — Вот мне, к примеру, нравятся рубенсовские женщины. Рубенсовские женщины — это каравай чистого пшеничного хлеба, фляга...

— Скорей залезай сюда, — приказала Конджеру Анжелика и распахнула левую дверцу хоппера.

Конджер махнул на прощание рукой замешкавшемуся от недоумения Тингу, обошел вокруг хоппера и закрыл за собой дверцу.

— До встречи! — крикнул он китайцу.

Хоппер оторвался от земли.

— Я собиралась войти туда вслед за тобой. Потом решила, что ты сам сумеешь выбраться из студии. Я не люблю быть навязчивой.

В контрольную панель хоппера был вмонтирован экран. Теперь он изображал Верзилу Мака, который расхаживал взад-перед по студии, потирая ушибленную голову.

— В СНБ, выходит, тоже узнали об Инце, — заметил Конджер.

— Примерно в одно время с тобой. Один из наших оперативщиков сегодня утром установил в ее студии потайной микрофон. Я попала уже после того, как ее убили, слишком поздно, чтоб этому помешать, — сказала Анжелика. — Кстати, зачем ты прихватил с собой этот громадный портрет индейца-навахо?

— Надеюсь, он сможет сказать нам, куда теперь податься, — пояснил Конджер.

Хоппер летел высоко над джунглями. Конджер вертел в руках портрет, который утащил из галереи.

Анжелика, настроив автопилот на Рио, повернулась и обняла своей тонкой рукой Конджера за плечо.

— Когда я следила по монитору за студией этой бедной девушки, Джейк, я видела тебя там, — сказала она. — Но ведь на таком расстоянии мой иммунитет не действует.

— В большинстве случаев телеаппаратура и различные электронные аппараты не поддаются эффекту невидимости, — пояснил Конджер. — В XXI веке все трудней и трудней оставаться человеком-невидимкой.

— Ты занялся этим по своему желанию?

Конджер ощущивал раму портрета.

— Да, тогда мне это казалось куда забавней интеллектуальных занятий. Ты ведь знаешь, какое в девятнадцать лет представление о жизни. А потом я познакомился с Винсом Уортом.

— Он погиб, верно?

— Думаю, что да, — немного подумав, ответил Конджер.

— Ты не уверен, что Уорт мертв?

— Понимаешь... — Внутри витиеватой рамы что-то щелкнуло, потом заговорил звуковой ящик сзади холста.

— Думаю это излишне, Мак, — сказал записанный на пленку голос Джерри Тинга.

— Тебе бы теперь куда лучше жилось, не оспаривай ты вечно приказы, дубина, — ответил агент-верзила.

— И все же, Мак, ССА отвалили Дреме столько денег, чтоб он воскресил этого Энцерто. С тех пор еще не прошло и пяти месяцев. Теперь же они требуют снова отправить его на тот свет.

— Политика всегда отличалась неустойчивостью, култышка. Поэтому сейчас его нужно убрать с дороги.

— Мы бы сэкономили столько денег...

— Как только мы покончим с делами в этой колонии, мы получим приказ отправиться в Центральную Америку, в Урбанию, и прикончить там этого Энцерто, — сказал Верзила Мак. — Судя по всему, он снохался с тамошней хунтой, что нам невыгодно.

— Мне-то что, Мак. Я только хотел...

— Пошли, оковалок, нам надо еще разок прочесать улицы. Вдруг появится этот наш невидимка и та длинная щепка.

— Не такая уж она и тощая, Мак. Даже по-своему смазливая, — возразил Тинг. — А как мы увидим этого...

Дверь в галерею открылась и закрылась. Наступила тишина.

Отставив портрет в сторону, Конджер сказал:

— По-видимому, речь идет об Аво Энцерто, профессоре агрономии, который когда-то противостоял хунте. Я и не знал, что он жив.

— Почему все мужчины говорят, будто я тощая?

— Я этого не говорил, — возразил Конджер. — В Китае II у них совсем другой вкус.

— У меня для моего роста вполне нормальный вес. Я вовсе не хочу поправляться.

— Кому нужен жирный секретный агент.

Какое-то время девушка хмурилась, потом на ее лице засияла улыбка.

— Да, СНБ известно, что Энцерто жив, но мы узнали об этом только с неделю назад.

— Ты знаешь, где он теперь?

— Энцерто стал сотрудничать с хунтой, — ответила Анжелика. — По крайней мере в области разработки экспериментальной системы продовольствия, которую стремится создать хунта при значительной поддержке со стороны правительства Соединенных Штатов. Если б только эти денежные тузы были хоть капельку любопытней, мы бы давным-давно знали о проделках Дремы.

— А где проходят эти эксперименты?

— По-моему, в Северной Урбании. Там на осушенных болотах у них целое поселение куполообразных ферм. Этот комплекс называется Фармц.

Огромная серая птица пролетела прямо перед хоплером. Конджер следил взглядом, как она исчезала в надвигающихся сумерках.

— Где-то здесь должна быть телепортическая станция. Мы можем приземлиться здесь и телепортироваться в Урбанию.

— Мы?

Не спуская глаз с удаляющейся птицы, Конджер сказал:

— Я решил, что с тобой хорошо сотрудничать.

— А всему виной последние приключения, где наши с тобой жизни висели на волоске. — Она наклонилась и поцеловала его в щеку. А почему ты думаешь, что Уорт может оказаться жив?

— Может, он и мертв. Однако, судя по описанию Дремы...

— Высокий сутулый мужчина лет тридцати пяти. Прямо-таки Винсент Экс Уорт, не правда ли?

— Или же сэр Томас Энсти-Гэтри.

— Или Омар Кавак.

— А этого кто добавил к списку?

— СНБ. Кавак — еще один высокий худой биолог. Кое-кто из его бывших коллег по Пражскому Научному Центру Циклов Жизни называет его просто костлявым. Он исчез во время охоты на лис в Свободной Ирландии-2, преследуя лисицу-робота. Он вполне может оказаться этим Дремой в силу своих политических убеждений и умственных способностей. Мы считаем, что его кандидатура подходит больше, чем кандидатура сэра Томаса.

— Почему?

— Существует вполне реальная возможность, что сэр Томас живет сейчас со своим бывшим лаборантом где-то на Багамских островах под именем Хуана Тицолы. Мы как раз сейчас проверяем эту возможность.

Конджер взял девушку за руку.

— Винс был здоровым детиной. Это он приучил меня к бегу и витаминам. Пускай это всего лишь пустяк, однако, обыскивая виллу, в той комнате, которую Дрема использовал под свою лабораторию, я нашел пилюлю из золы бурых водорослей.

Девушка рассмеялась.

— Их пьют многие, Джейк. В телепорту Нового Лисабона тебе продаст их любой автомат. Пакетик пилюль из золы бурых водорослей плюс португальское фадо — и все за одноединственное эскудо.

— Да, ты права, — согласился Конджер.

— Вероятно, ты надеешься, что Уорт жив, потому, что ты по нему скучаешь, — предположила Анжелика.

— Если верить Джерри Тингу, я жуть какой сентиментальный, — заметил он.

— Тинг очень проникателен. Когда я увидела тебя впервые, ты показался мне холодным и равнодушным. — Она протянула руку и щелкнула переключателем на контрольном пульте. — Теперь он доставит нас на ближайшую телепортическую станцию. — Она положила обе руки Конджеру на плечи. — Теперь же я думаю о тебе совсем иначе.

Конджер заключил девушку в объятия, и коппер слегка накренился влево.

Конджер не знал, видят его комары и москиты или нет. Обычно лосьон, который он втирал в кожу, предохранял и от насекомых. Однако мошкара, обитающая в буйной растительности болот вокруг комплекса Фармц, казалось, различала его без особого труда.

Они с Анжеликой прибыли в Урбанию накануне вечером. Ур-

бания была относительно новым государством, зажатом между Никарагуа и Коста-Рикой и названным в честь папы Урбана III.

Конджер-невидимка приближался к Фармцу. Темноволосая агентесса Службы Национальной Безопасности ожидала его в дельфибии на краю болота. Стоял полдень, и воздух был насыщен удушливыми болотными испарениями.

В подернутых ряской и поросших камышом болотах восседали на кочках здоровенные лягушки. По стволам поваленных деревьев ползали оранжевые ящерицы длиной в два фута. Вокруг Конджера вились облака мошкары.

Откуда-то издали раздавался низкий надсадный рев, перемежающийся грохотом и скрежетом.

Конджер взобрался на пригорок и увидел перед собой комплекс Фармц. Пятьдесят, может, больше, огромных куполов занимали расчищенное пространство в сотню акров. Каждый купол высотой с двухэтажное здание был выкрашен в один из оттенков синего или зеленого цвета. Возле куполов расхаживало человек двадцать пять охранников в универсальных водоотталкивающих комбинезонах. Здесь же разгуливали служебные собаки-цианоиды.

Стараясь держаться подальше от собак, Конджер прошмыгнул под носом у тощего заспанного охранника и очутился на территории экспериментального комплекса.

По правую сторону от него начинался ряд куполов. На стенах каждого по-английски и по-испански было написано: «Станция Вытяжки Листового Протеина» — и стоял номер. Далее следовал ряд куполов, отданных в распоряжение уплотненных культур. Потом шел купол цвета глубинных вод с надписью: «Хлопковые экстракты» — и купол, где добывали из арахисового масла афлатоксин.

Узнав от Анжелики кое-что об Аво Энцерто, Конджер был в курсе, что старый ученый живет и работает под куполом с надписью: «Дальнейшие Исследования в Области Протеина». Пошатавшись по территории Фармца минут десять, он отыскал купол ДИОПа. Тот находился на самом краю болота, один из его крытых трапов, подобно огромной соломинке для коктейля, впивался в вязкую болотную жижу.

Энцерто ходил из угла в угол в своей лаборатории под огромным куполом. Это был высокий здоровенный старик с белыми косматыми бакенбардами. Поверх всепогодной пижамы на нем болтался белый халат, на ногах были японские шлепанцы. Он прижимал к груди пучок больших темно-зеленых листьев и удовлетворенно бормотал по-испански себе под нос: «Великий день для науки. Гигантский шаг вперед в области протеина, не говоря уж о гастрономии. Ага, хунте это придется по душе».

Конджер присел на жестяной стул в форме ведра.

— Профессор Энцерто, — произнес он и стал видимым.

Старый ученый кивнул ему.

— *Vienes días, senor,* — сказал он. — Вы представляете себе, что я сегодня сделал?

— Нет.

— Я открыл возможность готовить из вонючей капусты блюдо не только приятное на вкус, но и на нюх, — пояснил Эн-

церто. — Эти же в «Вытяжке Листового Протеина» толкуются на одном месте. А сами считают, что если мне под девяносто, то мои мозги должны давно размягчиться. Как бы не так! Человек, почти всю свою жизнь посвятивший протеину, протеину и политике, такой человек, сеньор, навеки сохранит ясность ума. Приготовить вам блюдо из вонючей капусты?

— Спасибо, я только что позавтракал, — отказался Конджер. — Профессор, я из Соединенных Штатов. Я хочу вас предупредить.

— Предупредить меня? Да смех один, чем питаетесь вы, американцы. Это я должен вас предупредить. Все эти взфлбургеры, пончики...

— Сети Сельхозагентуры хотят послать своего агента и убрать вас.

— Снова?

— В прошлый раз это было дело рук хунты.

— Quiet sabe? — вздохнул старый профессор. Он швырнул листья вонючей капусты на длинный белый стол, над которым были подвешены различные воронки и трубки. — Стоит мне заняться политикой, как кто-то непременно покушается на мою жизнь. Вот что я вам скажу. В вашем возрасте человек считает, будто ему дозволено заниматься всем понемногу. Для вас фактор времени еще не имеет никакого значения. Смерть же преподала мне громадный урок. Теперь я знаю, что у каждого человека есть свои неотложные задачи. Когда я воскрес, я пообещал себе: «Аво, наплюем на политику. Твое место в лаборатории среди листьев и семян. Ты должен посвятить себя листьям и семенам». Вот почему я очутился здесь и чувствую себя гораздо счастливей, хоть и понимаю, что предал ДИОП и кое-кого из моих прежних соратников.

— Китай II считает, будто вы в слишком дружеских отношениях с хунтой, — сказал Конджер. — Они боятся, как бы вы не рассказали им о Дреме.

Старик фыркнул со смеху.

— Уже рассказал. То немного, что мне было известно, я давно выложил хунте. Ну, за исключением некоторых подробностей.

— Каких подробностей?

— Я чувствую, что обязан держать в тайне имя двойного агента, который первым изобрел это воскрешение. И еще кое-что, о чем и вам не расскажу, — изрек Энцерто. — Где, вы сказали, служите?

— В Секции Самобытных Дарований Агентства Ремонтных Функций.

— Ах да, Самобытные Дарования. Чем и объясняется ваше появление из ниоткуда. Должно быть, это любопытнейшее занятие — превращаться в невидимку. Не посвяти я всю свою жизнь протеину, я мог бы и вашу науку продвинуть. В юности у меня наблюдались некоторые половые извращения, и мне всегда казалось, что невидимке куда легче...

Из какой-то воронки над столом раздался сигнал. На стол плюхнулся пакет из пластика.

— Эй, Аво, — раздался металлический голос из воронки. — Попробуй-ка вот это.

Конджер выпрямился. Как бы ни был искажен этот голос, ему он показался знакомым.

Энцерто прочитал ярлычок на пакетике: «Протеиновый леденец, полученный из джута».

— Ну и денек! Одно открытис за другим! — воскликнул он. — Мы вот уже сколько месяцев над этим потеем. — Он раскрыл пакет и отломил кусок от буро-зеленого леденца.

— Постойте, — сказал Конджер, вставая со своего места.

Старый профессор положил леденец в рот и в задумчивости пожевал его.

— Нет, нет, еще не то. Что они...

Он рухнул лицом вниз.

— Верзила Мак, — произнес Конджер, вдруг поняв, чей голос он слышал из воронки. Он перевернул профессора на спину и подложил ему под голову руку.

— Крестос, — едва слышно произнес Энцерто. — Крестос с буквы К.

— Что?

— Двойной...

Старик был мертв.

Конджер опустил голову профессора на пол.

Из воронки раздался густой металлический смех.

— Эй, проф, как вам наш леденец?

Это был голос Верзилы Мака.

Конджер несколько секунд глядел на воронку. Потом обернулся невидимкой и вышел из лаборатории.

Джиэр отправил в рот несколько пропитанных пивом подмороженных раковых шеек, нанизанных на вертел.

— Ну, ну, блудный агент, — сказал он, похрустывая ледком. — Куда же тебя занесли черти?

— В Сент-Норберт, — ответил Конджер. — Столицу Урбании. — Сзади пиксфонической установки стояла перед полуавтоматическим гардеробом Анжелика и раздевалась. Конджер перевел взгляд с нее на экран. — Мне необходима кое-какая информация.

— Всем она необходима, — сказал шеф Секции Самобытных Дарований. Запихнув в рот новую порцию раковых шеек, он вытащил пачку желтых и синих блокнотов. — Тиефенбачер рвет и мечет.

— Тиефенбачер?

— Он в настоящее время является шефом АРФа, а следовательно, моим непосредственным начальником, — пояснил Джиэр.

— А я считал, что им является Синковек.

— Ты, Джейк, в этой своей проклятой глуши окончательно отошел от реальной жизни. На прошлой неделе обнаружилось, что Синковек посылал шифровки непристойного содержания одной агентессе АРФа, и сенат дал ему отставку. Кстати, ты все сожительствуешь с этой девчонкой из СНБ?

— Что, Тиефенбачер и по этому поводу брюзжит? — спросил Конджер.

— Тиефенбачер солидарен в этом вопросе со мной, — сказал Джиэр. — Не знаю, может, СНБ и плевать, что их лучшие агенты спят с первым встречным в Южной Америке...

— Я нахожусь теперь в Центральной Америке.

— ...однако АРФ это беспокоит, — продолжал босс. — И ССД тоже. А больше всех меня. Понимаешь, Джейк, быть агентом Секции Самобытных Дарований — исключительная честь. Ее удостоиваются лишь единицы, и облеченные ею...

— Мне необходима подробная информация об одном человеке, — прервал шефа Конджер.

Анжелика уже облачилась в коротенькую ночную сорочку и теперь сидела на прозрачном, наполненном цветами кресле, созерцая Конджера и заднюю стенку пиксфона. Она улыбнулась.

— Ладно, ладно. Вижу, ты сейчас не в настроении слушать лекцию о превосходных традициях рода войск, в которых мы с тобой служим, — сказал Джиэр. Он бегло пролистал блокноты. — Итак, перехожу к главному. Тиефенбачер намекнул, что, если агент Конджер не подтянет свою дисциплину и моральное поведение во время исполнения служебных обязанностей, он... одним словом, Джейк, тебе придется туго.

— А именно?

— Я знаю, что сейчас, когда в тебе бурлит молодая кровь, — Джиэр облил пустой шомпол, — ты не задумываешься над своим будущим. Однако позволь мне напомнить тебе, что, если ты не откажешься от своих легкомысленных забав, твое будущее в АРФе и ССД под вопросом.

Анжелика перестала улыбаться и встала с кресла.

— Вы что, меня увольняете?

— Разве я это сказал? Не будь идиотом. Я просто сделал тебе то, что мой старый учитель по Генеральной Семантике называл наставлением. Итак, каковы твои успехи с этим делом Дремы?

— Что вы можете узнать об агенте по имени Кростос? — спросил Конджер. — С буквы К. Не исключено, что он является нашим агентом в этом районе.

— Чьим это нашим?

— Агентом Соединенных Штатов. В СНБ он не числится.

— О, однако и от твоей подружки есть польза. — Джиэр встал из-за стола, и его экран повернулся вслед за ним. — В ССД тоже нет никакого Кростоса. — Босс остановился возле компактного компьютера, установленного на воздушной подставке.

— Зачем ваш компьютер переокрасили в розовый цвет?

— Спроси Тиефенбачера. Он в первый же день прислал сюда какого-то проклятого художника по интерьеру и переделал весь мой кабинет. Ты только посмотри на наш холодильник. — Наклонившись, Джиэр буркнул что-то розовому компьютеру. — А на пол они положили ковер, расписанный на патриотические мотивы. Видно тебе хоть кусочек?

— В том месте, где вы стоите. Похоже на Молли Питчер, а там, подалее, часть головы Кэлвина Кулиджа в индейском уборе.

Джиэр приподнял ногу.

— Да, по-моему, это именно он. Все-таки вдохновляет. Утром я споткнулся и растянулся на этом ковре, и, надо сказать, впечатленис у меня осталось незабываемое.

— Кростос, — заговорил розовый компьютер. — Клаус Крис-

тос, лейтенант Добровольческой армии Соединенных Штатов. Призван на службу в марте 2014 года. Также является по совместительству агентом Противодействующего Повстанческого Ведомства.

— Их переименовали в Агентство Помощи Слаборазвитым Государствам, — уточнил Джиэр.

— Мне об этом ничего не известно, — ответил компьютер. — Последние год и четыре месяца лейтенант Клаус Кростос является специальным советником Автоматической Сержантской Школы «Красный плюмаж» в Урбании.

— Где она находится? — спросил Конджер.

— Где она находится? — обращаясь к автомату, повторил его вопрос Джиэр.

— Ее адрес — 87 Джангл Виста Роуд, пригород Сент-Норберта, Урбания, — ответил компьютер.

— На кого еще работает Кростос? — спросил Конджер.

Джиэр начал было:

— На кого еще...

— Я сам слышал его вопрос, — огрызнулся компьютер. — Кростос работает на... Агентство Помощи Слаборазвитым Государствам, а также состоит в штате школы «Красный плюмаж». У него незапятнанная репутация, к тому же он чрезвычайно высоко котируется в качестве поборника личной гигиены.

Вернувшись к своему столу, Джиэр спросил:

— А какое отношение ко всему этому имеет Кростос?

— Я это выясню.

— Сегодня вечером?

— Завтра, — ответил Конджер.

— Угу, что ж, удачи, Джейк, и попытайся подтянуть свой моральный облик.

Когда экран погас, Конджер направился к прекрасной темноволосой Анжелике. Через несколько минут девушка снова улыбалась.

В Конджера прицелились двенадцать сержантов-роботов.

Он замер на грязной дороге, ведущей к школе «Красный плюмаж».

Мимо него пробежали огромные роботы в маскировочных халатах и атаковали макеты крестьянских хижин, расположенные в центре футбольного поля, которое опоясывала грязная дорога. У половины этих механических сержантов вместо пальцев на руках шевелились языки пламени. Они поджигали хижины. Остальные роботы, кроме одного, стояли поблизости, готовые проткнуть своими трехпалыми руками-зубьями так называемых крестьян, которые могли выскочить из огня.

Один робот стоял в отдалении. Он отбивал ногами чечетку, его трубчатые буро-зеленые руки вращались вокруг туловища в такт чечетке.

— Какого черта... Рамирец! — заорал с другого конца поля разъяренный сержант-американец.

Двенадцать сержантов урбанской школы «Красный плюмаж» залегли в траве поодаль, каждый имея при себе круглый ящик управления.

— Очень виноват, сержант Фербер, — извиняющимся тоном сказал Рамирец. — Я по ошибке нажал не ту кнопку.

— Ну, го-то же, Рамирец, — примиряющим тоном крикнул Фербер. — Отсюда это было похоже скорее на злонамеренность. Я бы не хотел оказаться в твоей шкуре, мистер, если это и в самом деле злонамеренность.

— О, нет, сэр!

Невидимый Конджер, чтоб не оставлять следов, шел по краю дороги, посыпанной щебенкой. За полем начинались офицерские бараки.

У каждого американского советника был свой собственный крытый черепицей глинобитный домик. В соответствии со справочником Академического Центра Автоматической Сержантской Школы «Красный плюмаж» лейтенант Клаус Кристос жил в коттедже № 8.

В обнесном стеной дворике с задней стороны глинобитного домика накрывала на стол девушка-андройд в пол человеческого роста. Поставив поднос на покрытый кафелем столик, миниатюрная прислужница вытерла пыль с псевдоплетеного кресла и взбила подушку из натурального пера.

Невидимый Конджер растянулся на огораживающей дворик стене.

Из коттеджа вышел огромный, дочерна загорелый блондин, плечистый и весь в веснушках. Он наклонился и похлопал по плечу маленький андройд.

— Доброе утро, Мария Кармен, — тенором пропел он.

— Buenos días.

Положив салфетку на огромное колено Кристоса, андройд-недоморок удалился в коттедж.

Клаус приподнял салфетку с миски с овсяной кашей, налил стакан сока из заменителя апельсина. Он сидел, потягивая сок и щурясь на недавно взошедшее солнце.

Потом Кристос поставил стакан на кафельный столик, достал из висящей на боку кобуры бластер и навел дуло на Конджера.

— Вам, мистер, лучше оттуда слезть. Иначе мне придется вас поджарить.

Конджер отклонил предложение белокурого лейтенанта разделить с ним утреннюю трапезу.

— Вы меня видите, да?

— Конечно же, приятель, — ответил своим высоким тенором Кристос. Его бластер лежал рядом с ним на столике. — Один мой знакомый агент СНБ месяца два назад достал мне контрабандой инъекции иммунитета. Кристос любит быть в курсе всех новинок.

— Вы работаете на Дрему?

Левой рукой Кристос поднес ко рту стакан апельсинового сока.

— Верно, приятель. Тебе когда-нибудь доводилось видеть чек, которым расплачиваются в армии Соединенных Штатов? 500 долларов в неделю. Кто сможет прожить на эти гроши? Чтоб выжить, приходится подрабатывать на стороне. Кристос живет на свете раз и хочет, чтоб все было как полагается. Волокешь?

— Думаешь отправить меня Дреме?

Кристос тоненько фыркнул в свой стакан с соком.

— И не надейся, приятель. Тоже мне шишка. Верзила Мак со своим косым дружкой, насколько известно Кристосу, высосал из тебя все сведения еще в Бразилии. — Он постучал дулом бластера по квадратному кафелю стола. — Нет, я сам себе хозяин. Пусть Кристос с виду похож на обычного деревенщину, башка у него варит, приятель. Пока мы тут сидим с тобой на солнышке, я придумал, как мне поступить. Я спалю тебе кишки из бластера, а ночью отволоку тебя на 26-й акр.

— 26-й акр?

Кристос прыснул со смеху.

— Благодаря вам, секретным агентам, Кристос когда-нибудь помет с смеху. Сидишь тут на кошачий волосок от края могилы, а сам еще вопросы задаешь.

— Привычка.

Конджер уперся кончиками пальцев в край стола.

Белокурый лейтенант направил бластер прямо ему в лицо.

— И не думай, приятель, опрокинуть на меня утреннюю трапезу. У Кристоса реакция не хуже змеиной.

Пожав плечами, Конджер поднял обе руки.

— Так вот, 26-й акр — маленькое частное кладбище, которое мы содержим на свои средства. Осваивая новое оборудование, какие-то из этих маслянистых шариков непременно взлетают на воздух. Для таких случаев нам приходится содержать маленькое частное кладбище. Не беспокойся, приятель, места там еще много.

Не спуская с Кристоса глаз, Конджер уперся одной ногой в ножку стола.

— Тебе известно, кто такой Дрема?

— Черт возьми, приятель, ну и вопросик, — рассмеялся лейтенант Кристос. — Вот тебе ответ: конечно, известно. Я помогал организовать парочку воскрешений, включая и то, которое Верзиле Маку пришлось аннулировать.

— О, сеньор, прошу прощения, — раздался голос с порога котеджа. — Я совершенно забыла подать вам ячменные лепешки.

— Ячменные лепешки? Черт возьми, Мария Кармен! — Кристос повернул назад свою большую голову. — Ты, черт побери, прекрасно знаешь, что я не выношу...

Конджер лягнул стол. Он перевернулся, краем крышки выбило из руки Кристоса бластер.

— Проклятье! — взвизгнул Кристос.

Конджер перемахнул через столик, выкрутил лейтенанту левую руку и завел ее за спину.

— Поберегите ваши силы, сеньор, — сказал Кэнгуру. Он выскочил во дворик в фартучке прислужницы-андроида, повязанном поверх туристского костюма-тройки цвета какао. Кэнгуру щелкнул лейтенанта Кристоса по шее маленьким серебряным жучком-глушилом.

Лейтенант хрюкнул и повалился на землю.

— Я и не знал, что вы тоже в Урбанин, — сказал Конджер.

— Босс Джиэр велел мне вас подстраховать, — объяснил кудрявый шпиончик. — Я с прошлой ночи издали наблюдал за вами. Вы б только видели, в какой грязи содержатся аллеи в

окрестностях вашего отеля. Я провел не одну ночь в различных аллеях, но эти...

— Как вам удалось напасть на мой след? Вы тоже меня видите?

Кэнгуру покачал своей кудрявой головкой и снял фартук.

— Сперва я хотел нарядиться во все тряпки этой проклятой служанки, но потом решил, что за те жалкие гроши, которые мне платят, слишком жирно волочить ноги в этом балахоне. Вы стали невидимым только возле муниципального леса, за милую отсюда. Из моей беседы с сеньором Джизером я узнал, кого вы хотите здесь повидать.

— А как вы сюда проникли?

— У меня свои методы, — ответил он. — Надеюсь, я не расстроил какой-нибудь ваш далеко идущий план? Мне показалось, будто этот проклятый офицеришко собирался вас прихлопнуть.

— Так оно и было на самом деле, — кивнул Конджер. — Спасибо, что сумели его отвлечь.

Шпиончик ковырнул носком ботинка оглушенного лейтенанта.

— Хотите задать ему вопросы?

— Он говорит, будто ему известно, кто такой Дрема.

Конджер раскрыл свой ранец.

— Разрешите мне, — сказал Кэнгуру. — Я достал это у одного секретного агента-армянина. Хочу проверить, как оно действует.

Он нагнулся, приставляя к виску Кростоса маленькую лакричного цвета пуговку.

— Ну, спросите у него что-нибудь?

Конджер присел возле лейтенанта на корточках.

— Как тебя зовут?

— Кростос Клаус Н, — ответил Кростос, не открывая глаз.

— Ты работаешь на Дрему?

— Да, сэр.

— Кто он?

— Его настоящее имя сэр Томас Энсти-Гэтрн.

Конджер в удивлении раскрыл рот и хмыкнул.

— Ты в этом уверен?

— Да, сэр, уверен, приятель. Ведь я сам работаю на этого проклятого парня, разве нет? Кростоса называют важным посредником между Дремой и его потенциальными клиентами.

— Гэтри считают мертвым.

— Это всего лишь обычный трюк, приятель. Чтоб он мог свободно заниматься своими делами в качестве Дремы.

— Где он?

— Трудно сказать. Он мотается с места на место, выполняя заказы. С тех пор как Дрема начал свое дело, он провел штук семнадцать воскресений.

— Где у него база?

— То есть где он обычно обитает, если не поехал на вызов?

— Да, да.

— В Мексике, — ответил лейтенант Кростос.

В номере отеля жужжал простейший автомат-уборщик.

Конджер обошел приземистый квадратный механизм и позвал:

— Анжелика?

— У-ууу-ууу, — урчал уборщик.

— Анжелика! — снова позвал Конджер.

— Ууу, — проурчал автомат и постучал одной из своих многочисленных рук по псевдомраморной крышке кофейного столика.

На столике лежала записка.

«Джейк, мне кажется, я бросаю тень на твою карьеру. Особенно отчетливо я осознала это, услышав, как бранил тебя вчера вечером шеф. Возможно, я и себе порчу будущее. Мне бы хотелось кое над чем подумать. Поэтому давай снова работать в одиночку. Когда мы выполним наше задание, можем снова, если захочешь, сойтись. Возможно даже, что наши дорожки пересекутся раньше. Мне кажется, что я тебя люблю. До встречи. Анжелика».

— Ууууу, — проворчал маленький робот, указывая на записку, потом на бумагоизмельчитель, который лежал сверху.

— Нет, это письмо я сохранию, — сказал Конджер. — Я в таких вещах сентиментален.

Он сложил записку, сунул ее в карман и заходил взад-вперед по комнате, тяжело волоча ноги.

Анжелики и в самом деле не было, остался лишь слабый запах ее духов в спальне.

Конджер сел на только что убранную кровать и прислушался к урчанию робота в гостиной.

— Проклятье, — пробормотал он.

Через некоторое время из гостиной донесся голос Кэнгуру:

— Почему вы применяете автоматы-охранники этой модели? Ведь у них очень низкая производительность.

Конджер вышел в гостиную.

— Что-нибудь узнали? Новое?

— Просто ваша дверь была открыта, — сказал белокурый шпиончик.

— Я намеренно оставил ее открытой, — сказал Конджер.

Он встал и прикрыл дверь.

— Мне очень жаль, что мисс Эйбрил уехала, — почувствовал Кэнгуру. — Мне кажется, она идеальной большинства женщин.

— Откуда вы знаете, что она уехала?

— Сеньор, я работаю под вашим началом, точно так же есть люди, которые работают под началом у меня. Так вот, один из них доложил мне, что мисс Эйбрил уехала четыре часа тому назад.

— А вашему человеку известно, куда она уехала?

— На станцию телепортирования. Дальше он выяснять не стал. Думаю, это несложно установить.

Конджер покачал головой.

— Не надо. Вы проверили сведения, которые мы получили от Клауса Кростоса?

— Оздоровительный центр, о котором упомянул лейтенант, называется Институтом Ментакса. Он находится, как он и сказал нам, в Олвидадосе, Мексика. Это городок, расположен-

ный примерно в десяти милях, в глубь материка от Гуаямоса, что на побережье Калифорнийского залива. Их девиз — «Считай себя молодым!». Можете себе представить, что клиентура состоит в основном из богатых старых идиотов.

— Кто там работает и кто это заведение финансирует?

— Во главе Ментакса стоит доктор Казадезюс. Что касается владельцев, то я только сейчас поручил одному бухгалтеру это расследовать. Могу только сказать, что у Института Ментакса владельцев много. Может, Дрема тоже входит в пай.

— А не может оказаться, что этот тип Казадезюс и есть сэр Томас Энсти-Гэтри?

— Только в том случае, если Гэтри путем самовнушения превратился в старого толстяка. Доктору Казадезюсу под шестьдесят, и весит он сотни две фунтов. Однако этот проклятый оздоровительный центр занимает огромную территорию в сельской местности, на которой торчит много больших домов, и в каждом из них можно преспокойно упрятать и Гэтри, и несколько лабораторий.

— О'кэй. Едем в Мексику! — воскликнул Конджер.

— А вы уверены, что вам не хочется немного повременить на тот случай, если мисс Эйбрил передумает, как это частенько случается с женским полом, и вернется к нам?

— Уверен.

Из макушки смеющегося робота вырвался целый каскад искрящихся огней. «Добро пожаловать в Гуаямос! Добро пожаловать в Мексику!» Пестро раскрашенный автомат рассмеялся еще шибче и пустился в пляс вокруг Конджера, который сходил по мрачной лестнице станции телепортирования в Гуаямосе. «Добро пожаловать к нам на фиесту!»

Конджер повернулся к Кэнгуру.

— Я не знал ни о какой фиесте.

Стукнув кулаком по глиняной свинье, которую вертел у него под носом второй робот-искромет, шпиончик сказал:

— Вспомнил наконец. Это пир в честь святого Норберта. Он является святейшим покровителем...

— ...вкусовых ощущений, — подхватил Конджер, ступив с лестницы на вымощенную псевдобулыжником мостовую. — Помните, я посетил его усыпальницу?

По обе стороны улицы высились синтетические оливковые деревья на распорках из прозрачной ленты. Множество ярко размалеванных роботов танцевали или просто расхаживали взад-вперед по запруженным народом улицам, разбрызгивая фонтаны искр и подкрашенной воды. Оркестры народных инструментов из людей и андрондов маршировали среди толп туристов и местных жителей. Вдали у перекрестка медленно двигался целый поезд разукрашенных цветами низких платформ. В одной из них святой Норберт дегустировал прямо из бочонка вино.

— Слишком мало кумина, — заметил Кэнгуру. Он только что купил тамали на вертеле у робота, в груди которого пылал огонь и вращались вертела. Белокурый шпиончик откусил еще кусочек. — Потом ты переварил сою. Тут надо...

Конджер схватил его за локоть и потащил за собой.

— Где можно взять напрокат лэндкар, чтоб добраться до Олвидадоса?

— За следующим углом, — сказал шпиончик и внезапно замер на месте.

— Пошли, хватит пререкаться с роботами.

— Прошу прощения. Мне показалось, я узнал, кое-кого вон там за этими пляшущими девицами в сомбреро.

Конджер посмотрел, куда указывал Кэнгуру, надеясь увидеть Анжелику.

— Кого?

— Агента ССА, с которым мне приходилось встречаться в Большом Сингапуре, одного подлеца по имени Пронцини. Нет, наверное, это был не он.

— Анжелика, по-видимому, в этом районе не появится, — предположил Конджер. — Верзила Мак с Джерри Тингом тоже.

— Запомните сеньор, лучшие агенты — это те, кого не видно. К тому же патент на посещение этого Ментакса принадлежит нам.

— Однако Анжелика тоже куда-то направилась.

— Вероятно, по ложному следу.

— Возможно. Только она слишком умна, чтоб долго по нему идти.

Кэнгуру протолкался между толстым туристом и андроидом — уличным музыкантом, который тряс мараку.

— Сюда, сеньор. Здесь мы сможем нанять лэндкар.

Конджер на ходу глянул на экран заднего и бокового обзора.

— Хвоста за нами нет.

— Нам очень повезло с этим автомобилем, — сказал Кэнгуру, высовывая правую руку из окна и теребя гирлянды цветов, которыми был украшен лэндкар.

— Он не бросается в глаза.

— Хоть и украшен этими идиотскими цветами, — согласился Кэнгуру. — Такая удача, что мы смогли достать его в самый разгар фиесты. Ведь если б епископу не отдавили коленку...

— Не коленку, палец.

— Но ведь он шел в то время на коленях, что у них называется... Сверните сюда.

Конджер развернул машину, в которой епископ собирался ехать вечером на парад.

В полумиле впереди на дороге, ведущую в город Олвидадос, с грохотом выехала с поля лэндкарная платформа. Она остановилась в футах ста от их лэндкара и преградила им путь. На боковой доске из больших плющевых цветов было выложено: «Гуайя-мосская Торговая Палата».

Конджер с ходу нажал на педаль. Раздался визг тормозов, посыпались лепестки цветов и ленты.

— Сзади нас еще одна, — сказал он.

Позади с поля выехала на дорогу и встала поперек ее огромная празднично украшенная платформа с живой картиной, запечатлевшей борьбу пеонов с тиранией.

Конджер, поспешно растираясь лосьоном, сказал:

— Оставайтесь здесь и попытайтесь потянуть время.

Через секунду он был невидим. Слегка приоткрыв дверцу лэндкара, он осторожно шагнул на дорогу.

— Вы устроили парад в неподходящем месте, бездельники! — заорал Кэнгуру, занимая место за пультом управления.

Из-под первой платформы выползло двое мужчин в рабочих комбинезонах. Каждый держал наготове револьвер-глушило. Шагая в ногу и плечом к плечу, они приблизились к лэндкару.

Гасли последние краски дня, и на дорогу и волнистые поля вокруг ложились мягкие сумерки.

— Епископу это вовсе не понравится! — орал Кэнгуру. — Он уже освятил этот экипаж. Так что ежели вы, бездельники, к нему прикоснетесь, вы сотворите смертный грех!

Мимо Конджера, не обращая на него ни малейшего внимания, прошли два агента, один из них долговязый китаец.

Конджер приблизился к кабине первой платформы. В ней сидел мужчина и пил из пластиковой бутылки мексиканское пиво. Конджер бесшумно вскочил на подножку и приставил к его жирной шее жучок-глушило. Водитель упал сперва назад, потом вывалился на землю.

Когда Конджер вернулся к лэндкару, из которого Кэнгуру пытались вытащить двое, он услышал, как китаец спросил:

— А где твой дружок?

— Я один, — проговорил Кэнгуру, — если не считать сильной духовной охраны епископа гуайямосского.

— Оглуши-ка его чуток, — предложил второй агент.

На другой платформе Конджер обнаружил лишь маленького лысого толстяка. Он достал из ранца еще одну присоску-глушило, и толстяк остался лежать сбоку дороги.

После этого Конджер вернулся к лэндкару.

Китаец уже выволок Кэнгуру на дорогу и теперь держал его за лацкан пиджака цвета какао.

— Буду глушить тебя и снова приводить в чувство до тех пор, пока не заговоришь. Каким образом твоему приятелю удалось от нас удрать?

— Послушай, Бенсон, может, он тот самый агент-невидимка, о котором нас предупреждал Верзила Мак? — высказал предположение его дружок. Прежде чем упасть, он приложил руку к тому месту на шее, куда поставил жучка Конджер.

Китаец завертелся на одном месте, стреляя из глушила.

— Небось это тот самый невидимка!

Конджер пригнул голову, когда падал второй, и приставил жучка к ноге китайца. Как только на земле оказался последний из них, Конджер моментально проявился.

— Они из США, да?

— Вы только поглядите, как погано пришиты лацканы этого проклятого костюма, — скулил Кэнгуру. — Один из них почти отлетел, а ведь за него только подержались. — Он вздохнул. — Да, этот китаец — партнер того самого парня, которого я видел в Гуайямосе.

— Должно, быть, он тоже вас видел и предупредил своих дружков. Они, вероятно, здесь за тем, чтоб никого не пропускать в Ментакс и к Дреме, — сказал Конджер. — Очевидно, Верзила Мака в этой части Мексики нет...

— И Мисс Эйбрил тоже, — добавил Кэнгуру.

Конджер кивнул и пошел отогнать с дороги платформу, которая преграждала им путь.

Двадцать стариков сидели по-турецки на пыльной площадке размером в пол-акра, освещенные парящими в воздухе белыми шарами света. Одни были поджарые и мускулистые, другие толстые и обрюзгшие. На краю этой ярко освещенной площадки развалился в наполненном водой кресле массивный толстяк в белом балахоне. Это был цианонид, его скрюченная рука служила ему в настоящий момент микрофоном, которому он обращал свою речь:

— Поскольку мыслительный процесс есть углубление в себя, — говорил он металлическим голосом, — контроль над процессом старения все приближается. Давайте же углубимся в себя, только в себя.

Поблизости от жирного цианонида, который, вероятно, был самым доктором Казадезюсом, хихикнул сухонький старикашка.

— Вы не углубляетесь в себя, мистер Фелдман, — заметил руководитель Ментакса.

— Чрезвычайно виноват, — извинился старый Фелдман. — Я вспомнил похабные анекдоты, которые читал в юности в колледжских юмористических журналах.

— От этих воспоминаний вы не помолодеете ни на йоту.

Конджер, опять невидимый, шел по краю площадки. Был одиннадцатый час ночи — вот уже два часа он рыскал по территории Ментакса. Миновав заседающих на свежем воздухе стариков, занятых воспоминаниями о минувшей юности, он вошел в один из огромных складов на дальнем конце площадки.

Внутри огромного, залитого тусклым серым светом помещения было зябко. Весь склад до самого потолка был завален картонными коробками с пищепаечками, горной ключевой водой, дегидрированным мясом и быстрорастворимым коричневым мясным соком.

Конджер остановился возле горы ящиков с безалкогольным пивом и принялся. На секунду ему показалось, будто пахнет духами Анжелики. Потом он понял, что этот запах более терпкий и мускусный. Конджер опустился на колени и заметил маленькую щелочку под горой из ящиков.

«Интересно, почему не появляется Анжелика? — думал он, отодвигая ящики. — Ей уже давно пора появиться. Ведь прежде она все время переходила мне дорогу. В Бразилии, Португалии. Черт побери».

В полу оказался люк. Достав из ранца жучок-усилитель, Конджер прислушался. Издалека донеслись обрывки беседы, близости не было никого. И никаких признаков предупредительной системы.

Своими невидимыми пальцами Конджер осторожно приподнял крышку люка. Вниз вел пролет норилловой лестницы высотой в десять футов. Потом начинался тускло освещенный коридор. Конджер ступил на лестницу и закрыл за собой крышку люка.

Мускусный запах усилился.

Откуда-то справа издалека послышался женский голос:

— Хватит тебе вонять.

— Да перестань наконец ворчать, Роза, — сказал тенор с английским акцентом и слегка в нос.

— Что это я вдруг перестану? — удивилась Роза. — Ворчание — побочный эффект скуки.

— Ведь говорил тебе, оставайся у себя в Барчестере, разве нет, Роза?

— Хватит вонять! — приказала она.

Коридор вел в подземное жилище без двери. Комната, в которой очутился Конджер, оказалась огромной гостиной, убранной в стиле конца викторианской эпохи полуторавековой давности. Пушистая коричневая драпировка, массивная мебель с толстыми ножками, отполированный рояль, множество массивных ваз для цветов, а также с десяток портретов предков с грустными лицами и в замысловатых позолоченных рамах.

Роза, полная бледная женщина лет двадцати девяти, в длинном халате, сидела за роялем. На крышке рояля стояла тарелка с куском торта из воспроизведенного сыра. Одной рукой она лениво ковыряла в тарелке вилкой, другой ударяла по басовым нотам.

— Прекрати это проклятое мулевание, — сказал худой высокий мужчина, сидевший в стеганом кресле для двоих.

— Ты хочешь сказать, музицирование, — поправила его Роза. — Мулевание — это то, чем я занимаюсь днем в своей студии вместо рисования.

В высоком худом мужчине Конджер узнал сэра Томаса Энсти-Гэтри. На нем была полосатая пижама цвета жженого сахара.

— Ты могла бы разогнать свою скуку, будь у тебя желание, Роза.

— Мне не нравится здешний пейзаж, Томми, — сказала толстуха Роза. — Судя сам, по утрам я распахиваю окна своего будуара, и мне открывается вид на сплошную стену из земли. Мороз по коже дерет.

— Мне самому не очень-то нравится жить под землей, Роза, — признался ученый. — Однако мне платят такие деньги. 300 тысяч долларов в год плюс командировочные. Значительно больше, чем в Лаймхаузском Центре, к тому же не надо совершать эти осточертевшие поездки в Лаймвор и Кливленд.

— Лаймвор показался бы раем после года подземной жизни. — Роза стряхнула с клавиш крошки торта. — Переведи-ка 300 тысяч долларов в фунты.

— Около 120 тысяч по нынешнему курсу.

— За то, что ты делаешь, Томми, тебе должны платить больше. Что эти ничтожные 120 тысяч фунтов?

Конджер тихонько приблизился к двухместному креслу.

— Работа сама по себе ерундовая, — сказал Гэтри. — И только твоё вечное нытьё отравляет нам жизнь.

— У меня такое предчувствие, — начала Роза, тыкая зубцами вилки в свою огромную левую грудь, — что Драма в один прекрасный момент исчезнет, оставив тебя расхлебывать всю кашу.

Конджер весь превратился во внимание.

— Нет, он этого не сделает.

— Откуда ты знаешь?

— Драма дал мне слово.

Конджер в удивлении вытаращил свои невидимые глаза. Ведь лейтенант Клаус Кростос заверил его, что Дрема — это сэр Томас Энсти-Гэтри.

— Держу пари, что он дал его не на бумаге, — сказала Роза.

— Разумеется, нет. В деле, подобном нашему, ни к чему иметь письменные свидетельства.

— Ты, Томми, даже не знаешь, кто он такой.

— Да, мне этого не докладывали, — кивнул Гэтри. — Однако я имел с Дремой много телефонных разговоров, и я...

— Он никогда не включает свой видеоэкран.

— Для того чтобы оставаться инкогнито.

— Он поручил тебе руководство этим подпольным центром воскрешения, тебя он заставляет производить больше двух третей воскрешений на выезде. Основной риск ты принимаешь на себя, а он платит тебе какие-то жалкие 120 тысяч фунтов.

— Никакого особого риска во всем этом нет, Роза. Я даже считаю, что это большая честь — быть ближайшим помощником Дремы.

— Его козлом отпущения. Его подсадной уткой. — Роза стукнула своим пухлым кулаком по клавишам. — К тому же, Томми, половина его людей думает, что ты сам Дрема.

Гэтри едва заметно улыбнулся.

— В этом, Роза, я не вижу никакого вреда. Просто хитрая маскировка.

— Если тебя арестуют, ты даже не сможешь на него наступать. Ведь тебе неизвестно, кто этот человек.

— Кто же станет стучать на своих соратников, Роза? — удивился сухопарый ученый. — Кстати, мне кажется, я знаю, где он все-таки находится.

— Мне ты об этом не говоришь.

— Ты не всегда в настроении для конфиденциальных бесед.

— Так где же все-таки Дрема?

— Я узнал, что его база расположена где-то под Лос-Анджелесом.

— Не слишком точный адрес.

— Это частично заброшенная подземная транспортная и жилая система в районе Большого Лос-Анджелеса на юге Калифорнии, — пояснил Гэтри. — Я узнал окольными путями, что наш мистер Дрема живет где-то там.

— Выходит, он тоже вынужден жить под землей?

— Да, кроме тех случаев, когда он проводит воскрешения в каком-нибудь уголке земного шара.

Конджер удовлетворенно хмыкнул про себя и вышел из обстановной в викторианском стиле гостиной. Когда он шел к люку, до него донеслось ворчание Розы: «Прекрати вонять».

Анжелика вошла во время инструктажа, и Конджер на несколько минут отключился от дела. На ней было простенькое дневное платье под цвет загара, волосы стянуты на затылке дестрой лентой. Она кивнула Конджеру, едва заметно улыбнулась и села рядом с огромным блондином — агентом СНБ.

Конджер на мгновение задержал на ней свой взор, потом сосредоточил внимание на инспекторе полиции Большого Лос-Анджелеса.

— ...ниже на Уровне Три расположены салоны, где заключаются пари, легальные, прошу прощения, мисс Эйбрил, бордели, а также собачьи бега в закрытых помещениях, — говорил инспектор ПБЛА. — Около 75 процентов заведений этого Уровня все еще действуют. Собачьи бега на время закрыты из-за регулярных неисправностей механических кроликов, за которыми должны гнаться собаки. Как я...

— Прошу прощения, инспектор, — вмешался Роуланд Галл, худощавый бледный юноша, которого представили как пресс-секретаря губернатора Южной Калифорнии. — Однако Неистовый Губернатор Йорккез просил меня зачитать это обращение в том случае, если какая-либо из его Подземных Жизненных Систем будет подвергнута критике. Обращение начинается следующим образом: «Мои соотечественники-калифорнийцы, добрый вечер...» Ага, мы переменим это на «доброе утро», поскольку еще нет, и полудня. Итак, «мои соотечественники-калифорнийцы, доброе утро...».

— Можем, Роуланд, опустить это обращение, — сказал низенький широкоплечий инспектор. — Перед нами стоит задача поймать убийцу.

— Минуточку, — перебил его Линн Лиэрманн, здоровенный блондин, агент СНБ. Он сидел, положив руку на спинку стула Анжелики. — Технически, инспектор, Драма вовсе не убийца. Все наши сведения говорят об обратном. Он, если верить слухам, наоборот, оживляет людей.

— Пусть он хоть убивает их, хоть оживляет, все равно мы должны его схватить, — сказал инспектор Кнерр. — Я верно понял ситуацию?

— Верно, — с улыбкой кивнул Лиэрманн. — Просто я люблю ясность во всем.

— Мне кажется, вы должны разрешить мне зачитать обращение, — настаивал пресс-секретарь губернатора. — Неистовый Губернатор Йорккез свирепеет, если ему становятся поперек дороги. Я вовсе не хочу, вернувшись в столицу штата Бурбанк, присутствовать при том, как он снова изрежет на ленточки портьеры в своей административной резиденции и пожует все искусственные цветы.

— Я занесу в протокол время, за которое оно якобы было прочитано, а также помечу, что его хорошо встретили, Роуланд, — пообещал инспектор Кнерр. — А теперь закройся. — Он снова обратился к планам, запечатленным на стене сбоку от него. — Итак, ниже Уровня Три находится Уровень Четыре, настоящий очаг заразы. Это самоуправляемое государство, где у власти стоят бродяги, паразиты, отщепенцы. Мы даже склонны считать, что отребьем, населяющим данный район, были вырыты новые Подземные Жизненные Системы.

— Прошу вас, инспектор, не забывать, что, когда этот чудесный комплекс был задуман и осуществлен, мы опасались угрозы нападения со стороны Англо-России.

— Да ничего мы не опасались, — возразил Кнерр. — Этого опасался Неистовый Губернатор Йорккез, вот и выстроил под Лос-Анджелесом этот проклятый лабиринт. Я предупреждал его, что в итоге там обоснуются одни подонки.

— Минуточку, — Лиэрманн постучал кончиками пальцев по

плечу Анжелики. — Мисс Эйбрил, а также мистера Конджера не интересуют наши передряги, инспектор. Вернемся к Дреме.

— Я пытался объяснить все как есть, — сказал инспектор Кнерр, стуча костяшками пальцев по плану на стене. — ПБЛА, что означает, если кто-либо из приезжих не знает, полиция Большого Лос-Анджелеса, так вот, ПБЛА считает, что, если этот так называемый воскреситель укрывается под нашим городом, значит, он поселился где-то на Уровне Четыре или глубже.

Тощий угловатый человек, который сидел рядом с Конджером, еще не вымолвил ни слова. Теперь он откашлялся и сказал:

— Вероятно, наступило время задать себе вопрос: что за мотивы руководствуют этим мнимым чародеем Дремой? — Он потер сначала свой локоть, потом коленку. — Как мы говорим в Южно-Калифорнийском Психообъединении, что его заводит?

— Секундочку, Сид, — перебил тощего светловолосый агент СНБ. — Я думаю, Анжелике известно, кто вы такой, однако попрошу вас представиться Конджеру из АРФА.

— О, рад встрече, — сказал тощий, оборачиваясь, чтоб пожать Конджеру руку. — Я — доктор Сид Пулхолл из Южно-Калифорнийского Психообъединения. Наше заведение частенько работает, как у нас принято говорить, рука об руку с заведением инспектора.

Инспектор Кнерр набрал воздуха своим плоским широким носом.

— Ладно, Сид. Как ты думаешь, где этот мерзавец?

— Минуточку. Не я думаю, где он, а он сам думает. Понимаете, а это может представлять особый интерес для вас, мистер Конрад...

— Конджер, — поправил его Конджер.

— Мистер Конджер. Интересно, что это я вдруг назвал вас Конрадом? Наверно, какая-то чисто внешняя ассоциация. Хочу предупредить прежде всего, что мы в ЮКПО пользуемся только самыми лучшими компьютерами и воспроизводящим оборудованием. Когда я заправил в них те сведения о Дреме, которыми мы располагаем...

— И которых у нас немного, — заметил Конджер.

— Пусть так, как у нас принято говорить. Наши автоматы высказали предположение, что Дрема скорей всего свил себе гнездышко в Уровне Четыре или даже ниже. — Он откашлялся в тощий кулак.

— Все это совпадает с общей картиной, которую мы набросали здесь, в Лос-Анджелесском отделении СНБ, — подвел итог Лизрмани. — Мистер Конджер пришел к этому выводу примерно на день позже, чем остальные из нас, и, вероятно, еще не в курсе, как мы намереваемся поступить.

— Как раз это я и хотел ему сообщить, — сказал инспектор, расхаживая перед своими планами.

— И я хочу послушать, — вмешался пресс-секретарь губернатора. — Я не мог присутствовать на вашем первом инструктаже по Дреме, поскольку мне пришлось отправиться в Либереяшн Госпитал Ветеранов Войн в Глендейл и зачитать там коротенькое обращение губернатора, рассчитанное на то, чтоб поднять дух. Оказывается, в свой приезд туда он так разыгрался, что столкнул кого-то из инвалидов с лестницы в кресле-каталке, что вызвало некоторый гнев среди...

— Итак, мы намерены организовать наблюдение над Уровнем Четыре, — перебил его инспектор Кнерр. — Иными словами, усилить наши отряды, которые обычно контролируют этот район. В нашей Маскировочной Бригаде служат талантливые сотрудники. Переодетые, они ничем не отличаются от настоящих бродяг и мошенников.

— Это и я могу подтвердить, — улыбнулся Лиэрманн, поглаживая Анжелике спину. — Разумеется, СНБ тоже направит туда свои лучшие силы.

Конджер отвернулся и засмотрелся в окно. Мимо башни, в которой находилась комната, проплывали по раскаленному полуденному небу желтоватые клочья смога.

— На это уйдет много времени, — заметил он.

— У нас в СНБ народ терпеливый, — заверил его Лиэрманн.

— А может, у мистера Конджера имеется другая идея? — предположила Анжелика.

Конджер обернулся и заговорил, обращаясь только к темноволосяй красавице:

— Если мы организуем ложное покушение, Дрема может себя обнаружить.

— Слишком рискованно, — сказал Лиэрманн. — Кроме того, нам еще не удалось выследить путь трупа до лаборатории.

— Потому что вы не были готовы противостоять его гипнозу и прочим ухищрениям, — сказал Конджер. — Если же суметь все предвосхитить, а также обеспечить более надежную систему электронного надзора, вероятно...

— Дреме известно, как вывести из строя наши мониторы, — перебил Конджера Лиэрманн. — Нет, боюсь, агент Конджер, нам придется положиться на выдержку и упорство.

— Вы не возражаете, если я осуществлю другой замысел?

Лиэрманн сморщил свою физиономию.

— Мне не хотелось поднимать этот вопрос, Конджер, — медленно начал он. — Я получил официальную докладную из Вашингтона, в которой вам приказывают подчиниться СНБ. Подписана Синковецом.

— Мне казалось, Синковец сменил Тиефенбачер.

— Да, пока сенатские компьютеры не обнаружили свою маленькую ошибку и не поняли, что непристойные послания отправлял именно Тиефенбачер.

— Что за непристойные послания? — оживился доктор Пулхолл.

— Закодированные пошлости, — пояснил Лиэрманн. — Агентам женского пола.

— Очаровательно! — воскликнул психиатр. — Однажды мне довелось интервьюировать компьютер, который декламировал...

— Ладно, — сказал Конджер агенту-блондину. — Буду работать с вами. Что я должен делать?

— Пока, Конджер, ничего. Может, ваш особый дар окажется полезен нам в дальнейшем. Что касается настоящего времени... — Он пожал плечами.

— Какой такой особый дар? — полюбопытствовал доктор Пулхолл.

— Я декламирую пошлые четверостишья.

Он встал и, не глядя на Анжелику, вышел из комнаты.

Конджер глядел на океан внизу. На его черной слегка фосфоресцирующей поверхности раскачивались пустые сумки из-под пива, ударяясь о сваи стоящих на воде коттеджей. Он встал с парящего в воздухе кресла и направился по прозрачному полу в другой конец комнаты. Достал из декоративной обшивки пузырек с капсулами В-комплекса и вытряхнул пару капсул на ладонь.

— Не желаете посмотреть кино? — спросил большой агрегат, ведающий культурой. Он возвышался в самом центре этой комнаты с прозрачными стенами.

— Нет, спасибо.

— В моем распоряжении не только современный хлам, — угаривал голос из-за решетки, которая была расположена на уровне чрева автомата. — Вероятно, вам, сэр, это неизвестно, однако в былое время Лос-Анджелес являлся киностолицей мира. Поэтому, когда я спрашиваю: «Не желаете посмотреть кино?» — я имею в виду не столь наши современные отбросы триоптической промышленности или не пользующиеся даже в настоящее время популярностью мультичувственные порнограммы, хотя их я тоже имею в своем распоряжении, нет, я имею в виду весь киноархив БЛА, сэр. Я располагаю лентами таких гигантов прошлого столетия, как МГМ, братья Уорнер, Парамаунт...

— Ничего не хочу смотреть. — Конджер вернулся на свое место и проглотил капсулы В-комплекса.

— Только сегодня я получил всю серию монограммических картин.

— Почему бы тебе не отдохнуть сегодня ночью?

Огромный культурный агрегат, покорно фыркнув, отключился.

Конджер снова устремил свой взгляд в темные воды Тихого океана.

На балконе с наружной стороны появился Кэнгуру и постучал по стеклу. Его сверкающий комбинезон по моде БЛА был мокр до колен.

— Какого типа в этом месте входные двери?

Конджер растворил балкон и сказал:

— Заходите.

— С этой стороны океан очень загрязнен. — Кэнгуру стоял на одной ноге и пытался стащить набрякший ботинок. — Каждый раз, когда я старался выбраться на дорогу к главному входу, какие-то автоматические руки поднимали меня в воздух и возвращали назад.

— Этот коттедж снабжен системой максимум-безопасности, — пояснил Конджер. — А я забыл ее отключить.

Взяв ботинок в правую руку, белокурый шпиончик приблизился к Конджеру и сел напротив него.

— В Южной Калифорнии безопасности уделяют особое внимание. Сегодня меня уже обыскивали два муниципальных автобуса и воздушное такси. У вас озабоченный вид.

— У меня вид праздного гуляки.

Кэнгуру осторожно распутал водоросли, которые обмотались вокруг его лодыжки.

— Вы все решаете эту проблему Дремы, не так ли?

— Это приказ Джиэра, — сказал Конджер. — Час назад я

беседовал с ним по пиксфону. Мне велено уйти с дороги СНБ и позволить им попробовать осуществить полицейский надзор.

Кэнгуру решил снять и радужные носки.

— Если станет известно, кого Дрема будет оживлять в следующую очередь, смогли бы вы это обыграть?

— Да, безусловно. Вам что-нибудь стало известно?

— Скорей всего он будет оживлять того человека, на которого сегодня утром было совершено покушение. Государственного сенатора Макшерри.

— Он родом из Южной Калифорнии. Панихиду передавали по программе «Час Новостей При Мерцании Свечей».

Подключился культгрегат:

— Желаете посмотреть отснятую пленку панихиды, сэр?

— Нет, убирайся ты к черту.

— Я обратил внимание, что они положили не те ролики под ваш культгрегат, — сказал кудрявый шпиончик.

— Эти мне тоже впору, — возразил автомат. — Они прошли заводское испытание на выдержку...

— Заткнись, — оборвал его Конджер. — Вы уверены насчет этого Макшерри? В новостях высказали предположение, что он умер после продолжительной болезни.

— В течение двух часов, — сказал Кэнгуру. — Его отравили, когда он перерезал оперение во время помпезного открытия...

— Перерезал оперение?

— Во время помпезного открытия ультраптичника в Вудлэнд Хиллз, — пояснил Кэнгуру. — Там была лента из настоящих цыплячьих перьев, которую сенатор должен был разрезать, что входило в программу инаугурационных торжеств. Ножницы были обработаны раствором специального яда, проникающего сквозь кожу.

— Чьих это рук дело?

— По всей вероятности, соратников Неистового Губернатора Йоркцеца. Макшерри открыто критиковал...

— Я располагаю пленкой с записью обращения губернатора, зачитанного Роуландом Галлом, в котором он выражает глубокое соболезнование по поводу кончины государственного сенатора Макшерри, — включился культгрегат. — В триоптическом и обычном изображениях.

Кэнгуру поставил свои ботиночки рядышком.

— Макшерри — один из немногих откровенных либералов, еще уцелевших в Южной Калифорнии. Он является одним из зачинателей движения за освобождение чиканос из лагерей для перемещенных лиц в Долине Смерти, — пояснил Кэнгуру. — В США не заинтересованы в его смерти.

— За его воскрешение платят они?

— Согласно моим сведениям да.

Конджер потер зажатую между большим и указательным пальцами капсулу.

— Они уже завладели его телом?

— Нет, сеньор. Макшерри извлекают между полночью и рассветом.

— А где сейчас его тело?

— Выставлено для торжественного прощания в Ультраморге всех вероисповеданий в церкви Доброго Самаритянина.

— Мне бы следовало туда попасть.

— В этом нет необходимости, — сказал Кэнгуру. — Я знаю, какими они воспользуются средствами передвижения и в каком месте спустят его под землю. — Он отжал свои носки и стал ими жонглировать. — Можем устроить им у входа засаду.

Конджер усмехнулся.

— Ваши инструктажи куда содержательней, чем в СНБ.

— Вся беда в том, что Служба Национальной Безопасности слишком уповаet на свою репутацию и престиж, — заметил Кэнгуру. — Знали бы вы, какие жалкие взятки предлагали они в эти дни в районе Большого Лос-Анджелеса.

— С вами желает побеседовать входная дверь, — заявил неуклюжий культагрегат.

— На какую тему?

— Понимаете, сэр, мне бы не хотелось вышвыривать на улицу человека, который стоит в настоящий момент у входа, — раздался из-за решетки культагрегата высокий голос двери-стража. — Понимаете, когда-то Лос-Анджелес являлся испанской территорией, и таким образом благородные традиции почтительного отношения к...

— Короче, кто там?

— Молодая леди, — отвечала дверь. — Потрясающе красивая молодая леди с локонами цвета вороньего крыла и черными как смоль сверкающими глазами. Вот почему я против того, чтоб применить к ней старый приемчик, пока вы на нее не взглянули.

— Вот как выглядит эта девушка, — сказал культагрегат. Он повернулся и направил экран своего монитора на Конджера.

Это была Анжелика.

— Вам захочется поговорить с ней насдине. — Кэнгуру натянул на свои маленькие ножки сверкающие по моде БЛА носки. — Я удаляюсь, чтоб мы могли встретиться в полночь, таким образом, в вашем распоряжении почти целых четыре часа, которые вы можете, если потребуется, провести с мисс Эйбрил.

Он босиком направился в сторону балконной двери.

— О'кэй, где мы встречаемся?

— На Олвера-стрит в центральном секторе Старого Лос-Анджелеса. — Он надел свои мокрые ботинки и исчез в ночном мраке.

— Может, молодой леди захочется посмотреть кино? — с надеждой в голосе предложил культагрегат.

Конджер распахнул входную дверь.

— Нравится? — поинтересовался культагрегат.

Анжелика сделала глоток синтетического мартини, который приготовил для нее громоздкий агрегат.

— Недурно, — кивнула она.

— Всего лишь недурно? Обычно мои мартини превосходны. А тут всего лишь...

Огромная машина издала металлическое бульканье и отключилась.

У дальней стены, где находился контрольный пункт, стоял Конджер, который только что отключил агрегат.

— Ты сказала, что хочешь со мной поговорить, — напомнил он темноволосой Анжелике.

Она сделала еще глоточек.

— Ты ревнуешь меня к нему, — сказала она, потирая указательным пальцем поверхность культагрегата. — Наверно, потому, что он напоминает тебе Линна Лиэрманна.

— У того волосы темней, — возразил Конджер. Он расхаживал по прозрачному полу, тяжело волоча ноги. — Ты все это время провела в Большом Лос-Анджелесе?

— Да, — кивнула Анжелика. — Но если тебя это так волнует, не с Линном Лиэрманном.

Конджер промолчал.

— После того как ты уехал в Фармц, я связалась с нашим агентом в Сент-Норберте, — пояснила девушка. — Он велел мне обратиться в Даллас.

— В Даллас?

— Прошлым летом СНБ отстроила там Заграничный Координационный Центр. Ты, вероятно, помнишь дебаты в конгрессе по поводу стоимости термического настила на стоянке транспорта. Короче, у СНБ есть сведения, что база Дремы, по всей вероятности основная, расположена где-то под Лос-Анджелесом. Я решила выяснить это сама, без посторонней помощи.

Конджер расхаживал взад-вперед по комнате, уставившись в темную поверхность океана, плескавшего свои волны под полом. Анжелика стояла не двигаясь в самом центре прозрачной комнаты.

— Знаешь, я так долго сочиняла тебе то письмо.

— Я так и подумал. Оно такое длинное — целых пять предложений.

— Что ж, возможно, я не имею права решать за тебя, — вздохнула девушка. — Но, услышав в тот вечер, как набросился на тебя Джиэр, я решила, что не стану мешать твоей карьере.

— Карьере человека-невидимки.

— Назовем это профессией. Какая разница? Мне кажется, ты еще не подготовился к тому, чтоб уйти в отставку, верно?

Конджер остановился.

— Не знаю, — немного подумав, сказал он.

Девушка приблизилась к нему.

— Послушай, Джейк, я хотела еще кое о чем с тобой поговорить. Не только о том, что я по тебе скучала и что расстроилась, когда ты сегодня днем удалился с инструктажа, даже не глянув в мою сторону.

— Это называется удалился?

— А как?

— Вышел решительным шагом или не склонив головы.

— Скорей едва волоча ноги.

Она улыбнулась.

Конджер улыбнулся ей в ответ и обнял девушку за плечи.

— Минутку, — Анжелика высвободилась из его объятий. — Я еще не все тебе сказала.

— Что же еще? — поинтересовался он. — Дрема?

— Да, но Дрема — это по делу. Я же хотела тебе сказать, что, когда мы покончим с делом, у меня будет отпуск, и я хотела бы провести его с тобой.

— А что насчет Дремы?

— Тебе ведь известно о покушении на государственного сенатора Макшерри?

— Мне сказал об этом Кэнгуру. И мне известно, где будут между полуночью и рассветом похитители его труп.

— Тогда, наверное, ты знаешь, в каком месте они опустятся на Уровень Четыре.

— Нет. Нам только известно, где вход под землю с Олвер-стрит, куда будто бы должен въехать грузовик с телом Макшерри. Здесь-то я и хочу их выследить.

— А я выяснила, что грузовик отвезет останки сенатора Макшерри к складу салона-ресторана «Хэл Букмейкер» на Уровне Четыре, — сказала темноволосая агентесса. — Отсюда тело будет каким-то образом переправлено глубже под землю. На один из не значащихся на карте нелегально возникших уровней, о которых говорил сегодня утром инспектор Кнерр.

— А что говорит по этому поводу Линн Лиэрманн?

— Я не обязана обо всем докладывать ему, — сказала Анжелика. — В Службе Национальной Безопасности агентам доверяют больше, чем у вас.

— Я думал, нам всем приказано вооружиться терпением и положиться на разработанный Линном план полицейского надзора.

— К черту терпение. Хочешь, вместе займемся поисками лаборатории Дремы?

— Конечно, хочу.

Анжелика покусывала сустав большого пальца.

— О'кэй. Для большей верности ты можешь воспользоваться своим замыслом. Установи слежку за грузовиком с того момента, как он начнет спускаться под землю. Я же направлюсь прямо к «Хэлу Букмейкеру» и буду ждать вас там. — Она покосилась на культагрегат. — А часы сзади автомата тоже останавливаются, когда его выключают?

— Нет, они самоуправляемые.

— Тогда у нас с тобой еще два часа.

Она глянула ему в глаза и снова улыбнулась.

Робот-мексиканец с криком «Merde!» опрокинулся навзничь.

— Ну и времечко они выбрали для мятежа, — заметил Кэнгуру.

— Это скорей марш протеста, а не мятеж, — возразил Коиджер. Они со шпиончиком стояли в одном из переулков у Олвер-стрит.

По синтетической Мексикан-стрит расхаживало сотни две молодых людей, размахивая триоптическими лозунгами и прокручивая механические политические воззвания.

— Вон отец Уильям Францис Нолан, — показал Кэнгуру.

— Где?

— Ай, он упал с плеч, и на него наехал цианоид-полисмен. — Кэнгуру сочувственно поморщился. — Его называют Мятежным Священником.

— Он имеет какое-то отношение к Дреме?

— Нет, но...

— Тогда я не желаю забивать им свой мозг.

— Верните истинных чиканос! — воскликнул отец Нолан, как только с его горла съехал ботинок-трактор цианоида.

— Закройте лагерь для перемещенных лиц!

— Долой механических мексиканцев!

Конджер внимательно оглядел улицу.

— Грузовику трудно будет проехать.

— Не будет же мятеж длиться вечно? — сказал Кэнгуру.

Облокотившись о псевдоглинобитную стену, Конджер спросил:

— Почему Йоркцез упрятал в тюрьму всех мексиканцев?

— Насколько я понимаю, он боялся нападения Мексики на Южную Калифорнию, — сказал Кэнгуру. — Сначала он отобрал у них все радио и телеагрегаты, чтоб они не могли поддерживать связь с потенциальными захватчиками с юга. Однако этого ему показалось мало, и он выстроил в Долине Смерти лагерь. Ходят слухи, будто ему принадлежат 60 процентов акций строительной компании.

— В той люльке Роуланд Галл! — воскликнул Конджер, глядя вверх.

С полуночного неба с жужжанием спускался муниципальный хоппер, выращенный в ярко-синий с золотыми ободками цвет. В раскачивающейся люльке стоял пресс-секретарь Неистового Губернатора Йоркцеца.

— Юноши и девушки, — обратился он через синий с золотом ревун к демонстрантам. — Юноши и девушки, я был бы очень признателен, если бы вы уделили мне внимание. Меня зовут Роуланд Галл. Я состою на службе у губернатора Йоркцеца.

— Проваливай отсюда!

— Мотай к чертям!

— Немедленно закрыть лагерь для перемещенных!

— Юноши и девушки, губернатор просил меня зачитать коротенькое обращение, касающееся мексикано-американской ситуации, — продолжал Галл, раскачиваясь в хрупкой скорлупке. — Вот оно. «Мои соотечественники-калифорнийцы, добрый день...» Ага, давайте изменим на «добрый вечер». Итак, «мой соотечественники-калифорнийцы, добрый вечер. Ваш губернатор обращается к вам от всего сердца. Прежде всего позвольте заверить вас, что ни один человек не понесет ответственности за этот небольшой инцидент, никто из вас не будет наказан. Ведь великий...»

— Наденьте вот это, — велел Конджер Кэнгуру. Из ранца сбоку он достал два легких противогаза. Когда белокурый шпиончик застегнул свою маску, Конджер потащил его за собой по боковой улице. — Полицейские возле круглосуточной закуской открывают баллоны с дурманящим газом.

— Ваш парящий в воздухе друг снова собирается изменить свое обращение.

На Олвера-стрит зашипели мортиры, источая дурманящий газ.

Кэнгуру зевнул, почесывая свою белокурую головку.

— Почти два часа ночи, — заметил он.

Они снова были на Олвера-стрит. Все молодые нарушители порядка вместе с отцом Ноланом больше часа тому назад были погружены в полицейские фургоны, которые всех свезли в уча-

сток. Снова заработали круглосуточные закусовые, по тротуарам засновали роботы-мексиканцы с гитарами, которые предлагали сувениры. По улице шатались туристы.

— Еще один грузовик, — отметил Конджер.

— Это они, сеньор, — покосившись в ту сторону, сказал Кэнгуру. — Темно-бордовый лэндтрак со свежей надписью «Гибсонс Хобби Хаус» на боку.

Конджер воспользовался своим лосьоном.

— Я вскарабкаюсь на подножку, когда они будут въезжать в тот склад.

— Согласно моим источникам в этом складе имеется скрытый трап, который ведет под землю. Я немного подожду здесь, потом направлюсь на Уровень Четыре другой... В чем дело?

— Наконец. — Конджер весь взмок. Он постепенно становился невидим. — С тех пор как Верзила Мак с Тингом вкатили мне те уколы, мне стало гораздо трудней становиться невидимым и наоборот.

— Когда мы схватим этого Дрему, советую взять отпуск и заняться физиотерапией, — посоветовал шпиончик. — Хотя большинство врачей и не знает, как проводить настоящий...

Конджер вышел из переулочка. Из такотерии на углу выскочили два толстых подростка, облизывая на ходу подливку со своих пухлых пальцев. Конджер отпрянул в сторону, чтоб не столкнуться с ними.

Никем не видимый, он бегом догнал выкрашенный свежей краской цвета спелого винограда лэндтрак, когда тот въезжал в побеленный кирпичный склад в дальнем конце Олвера-стрит.

У задних дверей грузовика была лестница. Конджер вскочил на нее и уцепился за ручку двери.

Лэндтрак медленно катился по почти пустому складу. Когда входные ворота сомкнулись, в стене поднялась целая секция, образуя широкий проем.

Грузовик с Конджером на подножке въехал в темноту, а оттуда стал проваливаться вниз.

Выложенные кафелем стены туннеля были доверху забрызганы коричневой грязью. По мере того как грузовик приближался к Уровню Четыре, подземная магистраль становилась все пустыней. Кое-где на стенах красовались вычурные кустарные росписи. Под намалеванной блестящей краской картиной, изображающей в аллегорической форме историю Калифорнии, спал старый нищий с разбитой физиономией. Он растянулся прямо на изрытой колеями дороге. На выщербленных плитах тротуара лежали оборванные бродяги, одни спали, другие пили пиво из пластиковых бутылок, третьи пытались совокупляться.

На этой глубине система освещения пришла, можно сказать, в полную негодность. В некоторых местах с потолка свисали гирлянды спутанных проводов. Кое-где тускло мерцали вспышки замыкания. Когда лэндтрак, на котором ехал невидимый Конджер, заворачивал, фары выхватывали из мрака тусклые стены туннеля. Чем дальше, тем моложе попадались бродяги, почти никто из них не спал. Они провожали глазами грузовик, даже не щурясь от внезапного света.

Наконец лэндтрак с телом государственного сенатора Макшерри выехал на залитую светом улицу Уровня Четыре.

Здесь дорога была побита еще сильнее. Низкие строения светились огнями и вспыхивали рекламами. Отовсюду гремела музыка — казалось, звучат все шлягеры двух последних столетий. Мелодии неслись из широко распахнутых дверей, из громкоговорителей, парящих над клубами и бистро.

Свежевыкрашенный грузовик с Конджером на подножке проехал десять кварталов по подземному городу и свернул вправо. На этой новой улице воздух был душный и влажный. По обе стороны сплошной стеной тянулись публичные дома, предлагающие женщин и андрондов. «ОТРЕГУЛИРОВАННЫЕ ПРОСТИТУТКИ-РОБОТЫ. ВСЕГО 5 ДОЛЛАРОВ ЗА 15 МИНУТ! БЫВШИЕ МОНАШКИ ПО СНОСНОЙ ЦЕНЕ! ЦИАНОИДЫ! УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ГАРАНТИРУЕМ». На улицах Конджер заметил туристов. Бродяги, сидящие в канавах, были одеты чуть получше.

Грузовик двигался все дальше. Поредели ряды борделей, уступая место салонам, где заключаются пари, манежам с ослиными и собачьими бегами.

Наконец показался «Хэл Букмекер». «ЗАКЛЮЧАЙТЕ ПАРИ ВО ВРЕМЯ ЕДЫ! ДЛЯ ДАМ ОТДЕЛЬНЫЕ КАБИНЫ!» Лэндтрак обогнул здание и свернул на дорогу, ведущую к складу сзади.

Там грузовик уже поджидал Верзила Мак. Он сидел на ящике консервированных вэфлбургеров, держа в правой руке новый лазерный револьвер. Левой рукой он сделал грузовику знак остановиться.

— Долго вы ехали, олухи, — сказал он, когда водитель заглушил мотор.

— Пришлось подождать, пока закончится восстание, Мак. Там сверху ребята разбушевались, — пояснил Джерри Тинг, выпрыгивая из кабины. — Верно, Вик?

Из кабины донесся бас:

— Это конечно...

— Хватит чесать языком, подонок, — оборвал его громадный агент ССА. — Давайте перенесем труп в машину, чтоб я мог доставить его к месту назначения.

— Да мы еще задержались потому, что Вик заупрямился и отказался засунуть тело этого парня в плиомешок, — сказал Тинг.

— Я голосовал за этого типа на двух выборах, — сказал Вик, не вылезая из кабины. — Мне кажется, я знал его лично. Конджер бесшумно соскочил с лесенки на пол.

— Спуск-ка сюда свой зад, скотина! — приказал Верзила Мак.

— В остальном все прошло гладко. — Тинг приблизился к задней части грузовика, влез на ступеньки и открыл дверцы. — Ни один из полицейских или агентов СНБ, которые ведут наблюдение за Ультраморгом Лесная Лужайка № 3, не догадались о нашем присутствии. Прекрасная штука, эти дурманящие пары Дремы!

Вик, рыжий здоровяк лет тридцати, неохотно влез вслед за Тингом в кузов,

— Там очень красиво, в этом морге, и на кладбище тоже...— сказал он. — Там есть фонтан, который играет национальный государственный гимн и еще гимн штата, а также точная копия «Тайной вечери», сделанная целиком из...

— Если не поторопишься, гнида, то сам туда попадешь, — пообещал Верзила Мак, размахивая лазерным револьвером.

— Я ведь говорил тебе, Вик, что он упадет на пол, если его не обмотать пледом.

— Послушай, Джерри, твои приятели вечно меня ругают. Да что изменится от того, если он шмякнется со стола на пол? Ведь он все равно мертвый.

Конджер обследовал склад. Около широких ворот, в которые они въехали, стоял компактный черный лэндкар. Должно быть, это та самая машина, на которой Верзила Мак повезет тело Макшерри к Дреме.

Вдоль золотисто-коричневых стен высились штабеля коробок с консервированными сэндвичами и холодными закусками. Возле входа в салон стояло штук двенадцать разбитых автоматов-букмекеров.

Он различил едва слышный скрип. За картонными ящиками спряталась Анжелика. Зная, что она его видит, Конджер приложил палец к губам и отошел к грузовику.

— А он, что называется, тучный. — Вик задом спускался с лестницы, держа за ноги мешок с телом государственного сенатора. — Ой, караул! — Рыжий великан поскользнулся на подножке и грохнулся на пол, выпустив из рук ноги Макшерри, Тинг вместе с мешком рухнул вниз.

Верзила Мак стукнул Вика левой рукой.

— Недоносок, — обозвал он. Наклонился и поднял мешок с телом. — Убирайтесь с дороги. Я сам перенесу святые мощи.

Конджер приблизился к лэндкару.

Верзила Мак вдруг остановился, заморгал глазами и швырнул труп в сторону.

— Опять ты!

Он прицелился прямо в Конджера.

— Да это же человек-невидимка, — сказал Тинг.

Конджер шмыгнул за картонные ящики. Он снова потерял контроль над своим телом.

Револьвер Верзилы Мака выплюнул струю пламени, и ящик с бисквитами над головой у Конджера подпрыгнул и загорелся.

— Ну-ка выходи и сдавайся, кретин.

— Верзила Мак, бросай оружие, — раздался голос Анжелики. Конджер не видел ее из своего укрытия.

— Каких только шпионов мы сегодня не встречали!

— Бросай оружие на пол! — приказала Анжелика. — И ты, Джерри, тоже, иначе... ооо!

Снова сработал бластер Верзилы Мака.

— Душка, если не смотришь под ноги, сиди-ка себе лучше дома.

— Зачем ты это сделал, Мак? — послышался голос Тинга. — Ты ее убил.

— Ну, довольно глупостей, — сказал Верзила Мак. — Поехали.

Заработал мотор лэндкара.

Растворились ворота на улице.

Тинг с Виком подхватили тело государственного сенатора Макшерри и отнесли его к машине.

Из своей засады Конджер услышал, что машина тронулась. Ссутулившись, он стоял в полумраке, сиюсья проглотить застрявший в горле комок.

— Deus! — раздался голос Кэнгуру.

Набрав ртом воздух, Конджер вышел из укрытия. Остановился в трех футах от Анжелики. На колени опускаться не стал и даже не попытался к ней прикоснуться.

Хрупкая темноволосая девушка лежала на спине, неловко подогнув колени. Чуть повыше левой груди зияла маленькая, размером с десятипенсовик, темная дырочка.

Конджер почувствовал, как стучат его зубы. Он постарался взять себя в руки.

— Вы не знаете, куда они поехали?

— Нет, сеньор, — ответил белокурый шпиончик. — Я и раньше предполагал, что где-то здесь есть вход в логовище этого Дремы... Ха! — Он наклонился. Возле Анжелики валялся ее бластер и маленькая черная металлическая коробочка. — Монитор. Наверное, она поставила в машину жучки. Я знал, что она прибыла сюда гораздо раньше Верзилы Мака. — Он протянул коробочку Конджеру.

Поколебавшись, Конджер взял ее. Она слегка пахла духами темноволосой девушки. Снова сиюсья проглотить застрявший в горле ком, он сказал:

— Останьтесь здесь, Кэнгуру. Следите, чтоб к ней никто не притрагивался. Я вернусь.

— А вы уверены, что в состоянии продолжать работу? — поинтересовался шпиончик.

— Да, уверен, — кивнул Конджер. — Взгляните-ка на меня. Вы меня видите?

— Sim. Да.

Конджер стиснул кулаки и снова сосредоточился на трансформации в невидимость.

— А теперь?

— Я еще вижу вас, хотя теперь вы кажетесь не таким реальным.

— А сейчас?

— Muito bení, — сказал Кэнгуру. — Сейчас вы совершенно невидимы. Я даже не вижу монитора, который был в ваших руках.

— Если б только я не потерял над собой контроля! — вздохнул Конджер. — Проклятье.

Он взглянул на мертвую девушку и вышел вон.

Послушный пощелкиваниям монитора, Конджер-невидимка пробирался на окраину Уровня Четыре. Сияние огней, рев музыки — все это осталось позади. Здесь темнели недостроенные здания, петляли только что вырытые туннели, высились запыленные груды блоков. Потолок туннеля был обшит неотесанными балками. Колонны, подпиравшие свод, сплошь покрылись оранжевыми налетами ржавчины. Со стен незаселенных строений свисали рыхлые комья плесени.

Повсюду рыскали тощие собаки, обнюхивая бродяг, которые спали на недостроенных тротуарах. На самом краю последнего тротуара устроились двое мужчин. Они по очереди потягивали из бутылки белое вино и громко смеялись. У того, кто смеялся громче, не было носа.

Конджер прошел мимо них, двигаясь по следу лэндкара Верзилы Мака.

Дальше начиналось грязное поле. Повсюду горели костры из строительных лесов и картонных коробок. У одного костра, тускло светившегося бледно-желтым пламенем, сидело на корточках несколько стариков. Около другого, чуть поодаль, устроились чумазые молодые ребята и девушки. Откуда-то из темноты, обступившей этот костер, послышался крик молоденькой девушки: — Господи, не дай им это сделать! Прошу тебя!

Невидимка-Конджер продолжал свой путь.

Наконец он приблизился к огромной, величиной с дом, куче обломков лэндкаров. На толстой крышке из вечной резины сидел бродяга и грел руки над маленькой спиртовкой. Когда он пошевелился, из-под его оборванного жакета блеснуло дуло бластера.

Конджер приставил к грязной шее бродяги жучок-правдокопатель. Монитор указывал, что в этом месте под землю опустился лэндкар Верзилы Мака.

— Слушаю тебя, дружище, — сказал так называемый бродяга, когда его пронял жучок. — Чем могу быть полезен?

— Я хочу спуститься вниз.

— Мне велено пропускать лишь санкционированный персонал, — объяснил одурманенный страж. — Всех остальных я посылаю к черту. Подонков, которые обитают поблизости, удерживать не стоит труда. Более настырных я отправляю на тот свет. — Он похлопал своей грязной ручищей по бластеру. — Если же появятся блюстители порядка, что они, слава богу, делать не осмеливаются, я должен нажать на сигнал тревоги. — Носком своего выдавшего вида ботинка он указал в сторону едва заметной серебряной кнопки.

— Дело поставлено хоть куда, — заметил Конджер. — А как можно открыть этот люк, не поднимая тревоги?

— Проще простого. Переключи рубильник за вон той изгородью из синих колокольчиков. А сначала нужно нажать всеми пальцами на вот это углубление под обломками от трактора. Вот здесь.

Конджер схватил бродягу за шиворот и потащил его к трактору.

— Сам вставляй пальцы. Туда, куда нужно.

Страж просунул руку под обломки железа.

— Рад быть полезным. Могу еще чем-нибудь служить? Может, выпьете чашечку трущобного гульона? Я как раз собирался сварить...

Конджер бросил его у изгороди, под которой был рубильник. Страж погрузился в сон. Конджер отыскал рубильник, переключил рычаг.

Груда искореженного металла испустила скрежет. Оттуда стала подниматься стена из шести сплюснутых вместе машин. Открылись дверцы. Вниз вел широкий трап.

Когда Конджер ступил на трап, металлический хлам плотно сомкнулся над его головой.

Здесь все сияло чистотой. Бледно-зеленые стены, освещенные мягким светом коридорные настилы. Здесь было прохладно, слегка пахло мылом.

На настиле четко отпечатались следы лэндкара Верзила Мака — светло-коричневые полосы грязи на безукоризненно чистом полу.

У следующего поворота на стуле из настоящего дерева сидел охранник в комбинезоне под цвет стен. Конджера он не заметил.

Черный лэндкар Верзила Мака стоял чуть дальше, в нише. За нишей начинался холл зеленого цвета, который разветвлялся на три коридора.

Из среднего коридора доносились голоса и сильный запах антисептика. Конджер направился по этому маршруту.

Сразу же налево была огромная операционная с прозрачными с обеих сторон стенами. На белом столе под тысячами лампами лежало тело государственного сенатора Макшерри. Его раздели, и над ним уже орудовала с кислородным шлангом китаянка в белом джемпере. Возле стола стояло двое мужчин. Ни один из них не подходил под описание Дремы.

В дальнем конце операционной открылась дверь, и оттуда вышел Верзила Мак.

— И ни цента больше, — бросил он кому-то сзади. — Китай II уже сам на пороге решения проблемы воскрешения, док.

Из комнаты раздался смех.

Конджеру он был знаком. Он подождал, пока Верзила Мак не уйдет с дороги, и вошел в эту дверь.

— Что-нибудь еще, мой мальчик?

Конджер направил на говорящего свой бластер, стал видимым и произнес:

— Привет, Винс.

Винсент Экс Уорт, бывший научный сотрудник Секции Самобитных Дарований, улыбнулся ему, не поднимаясь с кресла медного цвета. Он отрастил длинные усы, его кожа посмуглела. Это был долговязый худой мужчина в темном костюме-двойке.

— Привет, Джейк.

— Сукин сын, а я-то посылал цветы на твою заупокойную службу, — сказал Конджер.

— Присаживайся, мой мальчик, — предложил Уорт. — Я расскажу тебе кое-что о своей профессии воскресителя. Не со многими людьми тянет на умную беседу. — Он все улыбался. — Ты один из тех немногих, кому я мог поверить свои сокровенные мысли во время службы в ССД.

— Не очень-то ты доверил мне свой замысел разыграть смерть с тем, чтобы начать орудовать под именем Дремы.

— Да, мой мальчик, ты прав. — Уорт потянулся костлявой рукой к низенькому столику сбоку.

— Руки на колени.

— Я только хотел взять пузырек с таблетками из плодов

шиповника, Джейк. Понимаешь? — Он взял со стола сосуд. — Ты это пробовал? Я каждый день принимаю по двенадцать штук, и они...

— Ты и есть Дрема?

— Конечно же, мой мальчик, — кивнул Уорт, принимая три таблетки.

— Я подумал, что и ты можешь оказаться подсадной уткой вроде Томаса Энсти-Гэтри.

— Не очень-то правдоподобно. Я исчез, разыграв несчастный случай, потому что не хотел работать ни под чьим началом. Присаживайся, пожалуйста, мой мальчик. Мы с тобой не беседовали с тех самых пор... с каких пор?

— С тех пор как ты умер.

Уорт рассмеялся.

— Джейк, представь себе, что я поделился с тобой своими планами. Ты слишком честен и откровенен, чтоб держать их в тайне. Ты обо всем доложил бы Джиэру, а тот, в свою очередь, Синковеку, Тиефенбачеру или какому-нибудь другому шуту, перед которым обязан отчитываться. В итоге об этом бы узнал сам президент Соединенных Штатов. И мое достижение только приумножило бы арсенал богатств Соединенных Штатов Америки. Вся свою жизнь я бы провел, воскрешая убежденных в своей избранности сенаторов, и время от времени, чтоб избежать нападок, мне бы подкидывали одного-двух лауреатов Пулитцеровской премии.

— Ты мог бы заняться этим в широком масштабе?

— Ты хочешь сказать, мог бы я продлевать жизнь всего человечества до бесконечности? — Уорт разжевал еще несколько таблеток из плодов шиповника. — Маловероятно, мой мальчик. Все это слишком дорого обходится. Вот почему я решил иметь дело с клиентами типа Китая II. Они куда щедрее Соединенных Штатов. К тому же, Джейк, для большинства фигурлов одной жизни больше чем достаточно. Знаешь, а ведь я пришел к своему открытию, работая над проблемой сокращения населения земного шара.

Не опуская своего бластера, Конджер сел на кресло и придвинулся вместе с ним спиной к двери.

— Разумеется, до этого я больше года возился с криптобиозом, — продолжал Уорт, — решив, что смогу применить его для консервирования агентов ССД, когда они не заняты делом. Тебе знакомо понятие «криптобиоз» — это состояние, близкое к смерти, в которое впадают некоторые примитивные организмы, такие, например, как тихоходка. Это в некотором смысле временная приостановка процессов жизнедеятельности. Над ним еще в XVII столетии потел ван Левенхук. Однако ему помешало то, что в ту пору еще не были открыты простагландины. Понимаешь, Джейк, все простагландины являются в основном производными 20-углеводной карбоксилевой жировой кислоты, вступившей в реакцию с пятичленным циклопентаном... Но ты, вероятно, всего этого не представляешь. Ты должен запомнить лишь одно, мой мальчик, что я, работая во второсортной Лаборатории Секции Самобытных Дарований, в одиночку изобрел способ воскрешения мертвых.

— Огромное достижение, — заметил Конджер. — И ты ис-

пользовал его самым превосходным образом. Я столкнулся кое с кем из тех, кого ты поднял из мертвых.

— Почти все они — настоящие фигляры, верно? — усмехнулся тощий Уорт. — Однако у меня создалось благоприятное впечатление о... как его звали? Ага, о старике Аво Энцерто из Урбании. Я был восхищен его сообразительностью.

— Энцерто снова нет в живых.

— Да? Я этого не знал. Вероятно, его снова убили, потому что мой процесс никогда не подводит. Не то что трансплантация мозга, которая была в моде десять лет назад. Выжило всего около 25 процентов тех бедных мучеников,

— Его уничтожил Верзила Мак.

— Жестокая скотина. Он только что был здесь, стараясь уговорить меня воскресить сенатора за 250 тысяч долларов. Я же ему ответил, что, если он хочет, чтоб сенатор ожил и занялся своей прежней деятельностью, пусть выкладывает 350 тысяч долларов. В действительности мне кажется, что Англо-Россия согласна за такую работу отвалить 400 тысяч долларов. Ты только подумай, Джейк. Помнишь, мой мальчик, сколько я зарабатывал в ССД? Я уже произвел двадцать одно воскрешение. Умножь 21...

— Мне назвали меньшую цифру.

— Поскольку я, Джейк, не выпускаю регулярных бюллетеней Дремы, тебе практически невозможно получить точную информацию.

— Как бы там ни было, а я отыскал тебя, Винс, — сказал Конджер. — А теперь мы поднимемся с тобой в Большой Лос-Анджелес.

Откусив кусочек от таблетки, которую он держал двумя пальцами, Уорт покачал головой:

— Нет, Джейк.

— Ты не думай, что я не решусь выстрелить, если твои люди что-то затеют.

— Я этого и не думаю, — сказал Уорт. — Мак рассказал мне о том, что случилось наверху, Джейк. Я понимаю, каково тебе сейчас.

— Что ж, прекрасно. Пойдем.

— Погоди, мой мальчик, — сказал Уорт. — Ты меня отпустишь. Ты не захочешь выдавать Дрему властям.

— Почему?

— Потому что если ты, мой мальчик, меня отпустишь, я воскрешу твою девушку.

Конджер бежал трусцой по желтой полоске песка. Он находился в Северной Калифорнии в нескольких милях от столицы штата Сан-Франциско. Слева от него лениво плескался Тихий океан. Он засунул руку в карман своего пляжного комплекта-двойки и достал пузырек пилюль из бурых водорослей.

От плавучего коттеджа, снятого Конджером напрокат, заковылял в его сторону робот.

— Вызов для мистера Конджера, вызов для мистера Конджера.

Конджер замедлил свой бег, поджидая робота. В лазурном небе кружили морские чайки.

— Междугородный из Манхэттена, — сказал робот, поравнявшись с Конджером. — Чрезвычайно важно.

Конджер взглянул на фонический экран, вделанный в грудь робота.

— Доброе утро, — сказал он.

— Здесь уже за полдень, — ответил Джиэр. — Поэтому я стараюсь проглотить на ходу лэнч, а сам все распутываю это проклятое дело Дремы. — В одной руке босс держал сдобный сэндвич из сосиски с шоколадом. — Боюсь, теперешним властям не совсем ясен твой последний рапорт, Джиэк. Когда я говорю о теперешних властях, я имею в виду Люпоффа и Томпсона, которые окончательно сменили Синковека с Тиефенбачером в верхах нашей почтенной организации. Добавлю от себя, пока ты устаиваешь меня хоть каким-то вниманием, что я сам не до конца понимаю...

Конджер пнул робота в пах. Механизм перевернулся и брякнулся в набежавший прибор.

Анжелика улыбалась, когда он вошел на палубу плавучего коттеджа. На ней были темные брюки и блузка под самое горло, которая прикрывала маленький шрам над левой грудью.

— Отрабатываешь свои десять миль?

— Двенадцать, — уточнил Конджер. Он взял с перил мохнато-полотенце и стал вытирать им лицо и шею.

— Несколько минут назад здесь был хозяин недвижимости, — сказала темноволосая красавица. — С жалобой.

— По поводу робота?

Конджер уселся рядом с ней на гладкой палубе.

— Вот именно. Говорит, нашел его на пляже полчаса назад, всего в песке и соленой воде, — сказала Анжелика. — Когда он его перевернул, какой-то мрачный толстяк с экрана обозвал его подонком. Это был Джиэр?

— Ага.

— Он расстроен?

— Да, если судить по той небольшой беседе, которая состоялась между нами.

— Как ты думаешь, каков теперь твой статус в Секции Самобытных Дарований? — спросила она. — После того как ты позволил уйти Дреме?

Конджер улыбнулся.

— Полагаю, меня там причислили к рангу подонков, — сказал он. — Возможно, даже уволили. И занесли в черный список.

— И это тебя не тревожит?

— Нет.

— Мне казалось иначе.

— В настоящее время я занят разрешением проблемы поисков нового места в жизни.

Анжелика улыбнулась, коснулась своей теплой тонкой рукой его плеча.

— Я рада, что Дреме удалось подбить тебя на это.

— Я бы сам к этому пришел, — возразил Конджер. — Без чьих бы то ни было уговоров.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА

РОН ГУЛАРТ — известный американский писатель. Родился в 1933 году. Окончил университет Беркли, штат Калифорния. Автор более семидесяти научно-фантастических романов. Печата-
гал свои произведения под многими псевдонимами — Кеннет Робсон, Френк Шоун, Джозеф Сильв, Кон Стеффенсон.

В «Искателе» публикуется впервые.